КАРЛЪ БРОСКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Е. СКРИБА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ Мая 1 дня 1841 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

I.

Молодая дѣвушка осторожно вошла въ комнату и остановилась. Жуанита спала сномъ тяжкимъ и безпокойнымъ; воздухъ былъ удушливо зноенъ. Молодая дѣвушка отворила тихонько лѣтніе ставни, и взору ея открылся городъ Гренада съ его окрестностями. Вправѣ на развалинахъ мечети возвышалась церковь Св. Елены; передъ ней разстилался во Французскомъ вкусѣ Паркъ съ своими куртинами, симметрически расположенными и осмиугольными прудами, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда

цвѣли прелестные сады Калифа изъ столѣтнихъ сѣнистыхъ деревьевъ, съ прозрачными водами и минаретами, надъ которыми развѣвалось нѣкогда знамя Абенсераговъ. Нынѣ древній замокъ Королей Маврскихъ служилъ загородною виллою, мѣстомъ уединенія и скоро, можетъ статься, будетъ могилою блѣдной изнуренной женщинѣ, спящей на одрѣ страданій. Жуанитѣ, Графинѣ Пополи, едва исполнилось двадцать пять лѣтъ; по красотѣ своей, славившейся при Дворахъ Неаполитанскомъ и Испанскомъ, была она наименована живописцами того времени Венерою Неаполитанскою. Никогда прозваніе не давалось справедливѣе; съ очаровательною наружностію, съ чертами лица правильными и совершенными, она соединяла восхитительную, невольно увлекающую улыбку, ту неописанную прелесть, которая изливается изъ души. Она сіяла кра-

сотой небесной, не помрачаемой ни горемъ, ни временемъ. Когда во времена безплодныхъ усилій Неаполитанскаго народа сбросить иго Испаніи, Графъ и Графиня Пополи подвергли себя великимъ опасностямъ; эта женщина, по видимому столь слабая, своимъ умомъ и мужествомъ произвела всеобщее удивленіе. Впослѣдствіи овдовѣвъ, она располагала своею рукою и несмѣтнымъ богатствомъ; окруженная обожателями и почестями, казалось, она одна не замѣчала, что она богата и прекрасна.... и дѣйствительно никто бы легче ея не могъ обойтись безъ этихъ даровъ... ихъ не нужно ей было, для привлеченія сердецъ!

Въ эту минуту легкій потъ покрывалъ ея чело столь невинное и столь величественное; въ стѣсненной груди ея едва замѣтно было движеніе; уста ея тихо произносили имя, которое нельзя было

разслышать; и изъ закрытыхъ сномъ глазъ катилась слеза по прекраснымъ и блѣднымъ щекамъ ея. Молодая дѣвушка вскрикнула и бросилась на колѣна у дивана, на которомъ покоилась Жуанита. Она проснулась, и обращая вокругъ себя взоры, исполненные добродушія, подала руку своей молодой сестрѣ, говоря ей: чего ты хочешь отъ меня?

— Ахъ! вскричала Изабелла, ты страдала, Жуанита?

— Страдала, какъ всегда! Но оставимъ это! дѣло идетъ о тебѣ.... зачѣмъ ты пришла сюда?

— Не знаю.... я хотѣла съ тобою поговорить.... и смотря на тебя.... я все забыла.... даже Фернанда, моего жениха.... да, теперь я вспомнила.... для чего я пришла сюда.... онъ хочетъ съ тобою проститься.

— Проститься! вскричала Жуанита приподнявшись, когда я сего дня же должна условиться съ отцемъ его, Герцогомъ Карваялемъ о вашемъ бракѣ!... Зачѣмъ же ему уѣзжать?

— Ахъ! отвѣчала Изабелла со вздохомъ, онъ не заслуживаетъ укоризны: можетъ быть, этотъ поступокъ будетъ лучшимъ въ его жизни.

— Какъ! развѣ ты его не любишь?

— Правда, до сихъ поръ я его не очень любила; предметомъ любви моей была ты одна, сестрица! ты это знаешь.... Но теперь узнаю, что Фернандъ — благородный молодой человѣкъ, имѣетъ превосходное сердце.... и я убѣждена что люблю его.

— Съ котораго времени?

— Съ сегоднишняго утра.... съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ руки моей!

И на лицѣ Изабеллы выразились чувства довольства и гордости, которыхъ Жуанита не могла себѣ объяснить. Она велѣла позвать Фернанда и увидѣла молодаго прекраснаго Кавалера, въ цвѣтущихъ лѣтахъ съ свѣтлорусыми кудрями, одѣтаго въ свѣтло голубую эпанчу, со шпагою, золотая рукоятка которой была богатой чеканной работы. Въ его выразительныхъ глазахъ бтистала Испанская гордость, умѣряемая пріятностію и безпечностію юности. Герцогъ Карваяль, его отецъ, былъ однимъ изъ первыхъ вельможъ въ провинціи Гренадѣ. Придворными интригами и могуществомъ Энсенада, Министра Фердинанда VI, онъ давно былъ удаленъ изъ Мадрита, и ему прегражденъ былъ путь на поприщѣ политическомъ. Лишенный власти, онъ хотѣлъ замѣнить ее богатствомъ и возродившаяся въ немъ жажда богатства заступила мѣсто честолюбія.

Герцогъ мечталъ о богатомъ союзѣ для своего единственнаго сына, и Изабелла казалась ему лучшею партіею въ Гренадѣ, какъ собственно для него по ея богатству, такъ и для Фернанда, потому что онъ любилъ ее страстно. Изабелла не имѣла красоты сестры своей; и дамы находили даже что она не красива. Но она увлекала своимъ пріятнымъ обхожденіемъ, имѣла воображеніе живое, пылкое, легко воспламеняемое: качества хорошія или недостатки, но они удивительнымъ образомъ развились въ ней; потому что она провела почти всю свою юность въ монастырѣ. Мечты и романическія идеи рождаются въ тишинѣ и уединеніи; въ шумномъ свѣтѣ онѣ слабѣютъ и скоро исчезаютъ. По примѣру всѣхъ прочихъ молодыхъ дѣвицъ знатныхъ фамилій того времени, оставлявшихъ монастырь, чтобъ выдти замужъ, она съ радостію приняла

знаки почтенія и любви Фернанда; ей сказали, что онъ происходилъ со стороны матери отъ Сида Бивара, обожателя Симены, и ей казалось, что такое происхожденіе должно неизбѣжно влечь за собою различныя приключенія, которыя бы могли наполнить нѣсколько занимательныхъ страницъ. Но когда же она увидѣла, что потомокъ Сида ограничивался только тѣмъ, что любилъ ее отъ всей души, безпрестанно ей о томъ твердилъ, и у сестры ея, съ согласія своего отца, испрашивалъ ея руки, тогда ея дѣвичье воспламененное воображеніе весьма охладѣло. Когда же съ обѣихъ сторонъ согласились и приступили безъ отлагательства и безъ всякихъ препятствій къ совершенію брачнаго союза, ей казалось, что все это было не по правиламъ, что романъ ея жизни не сбылся и что первыя главы въ описаніи ея жизни выпущены; впрочемъ, отда-

вая справедливость добрымъ качествамъ Фернанда, она съ спокойнымъ духомъ смотрѣла на приближающееся счастіе, которое ей такъ легко доставалось.

Женихъ ея думалъ иначе. Ему казалось, что день долженствующій увѣнчать его ожиданія никогда не наступитъ. Мысль о малѣйшемъ замедленіи выводила его изъ себя; и, если бы не болѣзнь Жуанпты и ея отчаянное положеніе, бракосочетаніе было бы давно уже отпраздновано. И этотъ молодой человѣкъ, этотъ обожатель столь пылкій, столь нетерпѣливый, отказывался отъ всѣхъ своихъ надеждъ и пришелъ проститься съ своею невѣстою. Тщетно Жуанита желала узнать причину такого внезапнаго отъѣзда.

— Я запрещаю вамъ говорить, вскричала Изабелла; если вы цѣните любовь мою. Я васъ люблю и васъ однихъ буду

любить; я останусь вамъ вѣрна и всю мою жизнь буду васъ ждать; но ни слова сестрѣ моей: я этого требую!

— А я хочу, чтобъ онъ говорилъ, тихо сказала Жуанита, удерживая за руку жениха, который отказывался быть ей братомъ. Фернандъ блѣдный и смущенный взглянулъ на нее умоляющимъ взоромъ, и по волѣ, хотя и жестокой, но все еще драгоцѣнной, которой не смѣлъ противиться, хотѣлъ уже удалиться, сохранивъ свою тайну; какъ эта несчастная и непроницаемая тайна вдругъ обнаружилась, къ великой горести Изабеллы, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ.

Въ дверяхъ залы показался въ черной одеждѣ человѣкъ, который не смѣлъ войти. Это былъ Синіоръ Мануель Перико, Королевскій Нотаріусъ города Гренады и стряпчій по дѣламъ Карваяля. Онъ при-

несъ Графинѣ Пополи брачный контрактъ.

Изабелла содрогнулась. Фернандъ бросился къ Нотаріусу и хотѣлъ схватить бумагу, которую тотъ подалъ Графинѣ.

— Это такъ! говорила она, пробѣгая глазами контрактъ. Тутъ заключаются статьи, въ которыхъ мы согласились съ Герцогомъ. Приданое, которое назначаю моей сестрѣ.... Ахъ! сказала она съ удивленіемъ.... и на щекахъ ея, обыкновенно блѣдныхъ, выступилъ легкій румянецъ.... вотъ условія, о которыхъ мнѣ ничего не говорили! извѣстны ли они вамъ, Фернандъ?

— Извѣстны, сударыня! отвѣчалъ смутившись молодой человѣкъ. Батюшка просилъ меня поговорить съ вами объ томъ, но я не согласился, и какъ онъ на этомъ только условіи давалъ свое согласіе, то я

отказался и отъ брака. Я пришелъ просить васъ извинить моего отца и съ вами проститься.

Произнося эти слова, голосъ его ослабѣвалъ; Изабелла протянула къ нему руку съ нѣжностію и Фернандъ спѣшилъ отереть слезы, которыя невольно показались на глазахъ его.

Между тѣмъ Нотаріусъ Перико стоялъ неподвижно, держалъ перо и не говорилъ ни слова. Жуанита продолжала спокойно чтеніе контракта.

Во всемъ городѣ извѣстно было, что прекрасная Графиня Пополи давно уже въ чахоткѣ. Она одна не знала о томъ, потому что пренебрегала всѣмъ, что могло продлить ея жизнь. Безъ ея вѣдома и почти противъ воли ея, молодая сестра прилагала о ней всевозможное попеченіе; и если тѣмъ не могла ее спасти, то по

крайней мѣрѣ старалась скрыть отъ нея роковую участь, которая угрожала ей. Медики Гренадскіе, увѣренные въ своемъ искуствѣ, объявили, что Графиня проживетъ не далѣе осени, а тогда уже былъ Сентябрь мѣсяцъ. Въ контрактѣ же, Герцогъ Карваяль, какъ человѣкъ осторожный, включилъ сверхъ другихъ еще слѣдующія два условія: первое что Графиня обязуется не выходить болѣе замужъ, и второе что въ случаѣ ея смерти, все ея имѣніе, какъ въ Испаніи, такъ и въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, перейдетъ во владѣніе младшей сестры ея.

— Мы не хотимъ такихъ условій, вскричали вдругъ Фернандъ и Изабелла.

— Они нелѣпы, невозможны, присовокупила Изабелла. Зачѣмъ лишать тебя свободы? Ты молода; ты должна вступить въ новый бракъ, и даровать избран-

ному тобою счастіе на многія лѣта. Что касается до наслѣдства, продолжала она, стараясь улыбнуться, ты меня не много старше и, я надѣюсь, мы поживемъ и умремъ вмѣстѣ.

Потомъ, схвативъ изъ ея рукъ контрактъ, отдала Фернанду, который разорвалъ его и бросилъ клочки на полъ.

Жуанита посмотрѣла на молодыхъ людей, улыбнулась, подала имъ руку и сказала Нотаріусу: Перико, прошу васъ переписать этотъ контрактъ такъ, какъ онъ былъ, и принесть его мнѣ завтра. . . . Теперь оставьте насъ однихъ.

Нотаріусъ вышелъ, и обрученные пали къ ногамъ Жуаниты.

— Послушайте, говорила она имъ, вашъ бракъ совершится. Не благодарите меня, присовокупила она съ живостію. Условія,

которыми меня обязывають, для меня не важны. Уже давно я клялась самой себѣ и Богу, что не вступлю въ другой бракъ, и не измѣню этой клятвѣ. Мое имѣніе и все, чѣмъ я могла располагать, отдала я сестрѣ своей; а другое, составляющее важнѣйшую часть, я не увѣрена, принадлежитъ ли мнѣ.

Молодые люди изумились, и Жуанита продолжала тихо и съ чувствомъ:

— Если когда нибудь явится особа, которую ищу, и которую до этихъ поръ не могу найти, все это богатство должно принадлежать ей; и когда меня не станетъ, Фернандъ, вы все передадите ей. Поклянитесь мнѣ, я вѣрю вашему честному слову. Если же эта особа не явится, все имѣніе принадлежитъ вамъ и сестрѣ моей.

Объяснитесь, прошу васъ, скажите, кто? вскричалъ Фернандъ.

— Ахъ! тутъ заключается великая и горестная тайна, которая вамъ однимъ будетъ извѣстна.... и прежде нежели переселюсь въ вѣчность, что можетъ быть весьма близко, я должна вамъ открыть ее! Не прерывайте меня, вскричала она, видя сестру свою въ сильномъ волненіи духа. Разсказъ мой будетъ продолжителенъ; и не знаю достанетъ ли мнѣ силъ окончить его; но когда мнѣ нужно будетъ отдохнуть, я вамъ скажу и остановлюсь.

И Графиня сидя между своими молодыми друзьями, начала повѣсть:

» Сестра моя и я родились въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, которое тогда было областью Испаніи. Еще въ дѣтствѣ лишились мы своихъ родителей и остались подъ опекою нашего внучатнаго дяди, Герцога Аркосскаго, котораго не стану вамъ описывать. Онъ довольно из-

вѣстенъ. Въ молодости своей онъ былъ Вице-Королемъ Неаполитанскимъ, и отъ его жестокости, его неумолимой строгости несчастный народъ, съ которымъ онъ поступалъ тирански, доведенъ былъ до отчаянія, и взбунтовался. Въ его правленіе возгорѣлось извѣстное возмущеніе, длившееся семь дней, въ продолженіе которыхъ рыбакъ Мазаніелло, провозглашенный отъ народа Королемъ, и умерщвленный тѣмъ же народомъ, былъ влачимъ и брошенъ въ яму. Послѣ чего Герцогъ Аркосскій принялъ опять правленіе, но не сдѣлался ни благоразумнѣе, ни милосерднѣе. Одно поученіе, которое ему осталось послѣ сего произшествія, было то, что онъ сожалѣлъ о малой своей строгости, и потому удвоилъ жестокость, которую называлъ спасительною мѣрою. Такова была его система правленія; другихъ правилъ онъ не зналъ; и когда ро-

потъ и вопль народный заставили Короля Испанскаго смѣнить его, онъ удалился, жалуясь на слабость своего Государя, не давшаго ему времени окончить славное дѣло, имъ предпринятое. Въ изгнаніи, куда послѣдовало за нимъ проклятіе народное, онъ пребылъ спокоенъ, не возмущался совѣстію, и довольный самимъ собою, внутреннно былъ убѣжденъ въ добрѣ, которое сдѣлалъ.

»Когда мы отправились съ нашимъ дядею, ему было около восьмидесяти лѣтъ; онъ ни сколько не перемѣнился, сохранилъ свой характеръ и свой образъ мыслей. Никогда не могъ онъ простить моему отцу того, что онъ женился безъ его согласія; и когда мать моя умирала, онъ не хотѣлъ ее видѣть. Въ это время однакожъ, видя себя одного, безъ семейства, или лучше сказать безъ предмета, съ которымъ бы могъ поступать жестоко и

самовластно, онъ вознамѣрился воспитывать своихъ двухъ внучатныхъ племянницъ. Увидя насъ, онъ положилъ посвятить церкви Изабеллу, которая была трехъ или четырехъ лѣтъ и отправилъ ее въ монастырь della Pieta. Меня же, старшую нѣсколькими годами, оставилъ при себѣ, въ намѣреніи пристроить по своему произволу.

«Я вкратцѣ пройду первые и самые скучные годы моей жизни. Въ разлукѣ съ сестрою, которую никогда не могла видѣть, заключенная въ мрачномъ, но великолѣпномъ замкѣ, изъ котораго никогда не смѣла выходить, воспитывалась я въ страхѣ Божіемъ, а еще болѣе въ страхѣ къ дядѣ, котораго видъ и голосъ приводили меня въ трепетъ. Онъ это замѣчалъ и не сердился. Напротивъ ужасъ, имъ вселяемый во всѣхъ, льстилъ его самолюбію. Одна только боязнь могла быть ему прі-

ятна и была лучшимъ средствомъ ему нравиться; и я, нехотя ему угождала.

Единственнымъ удовольствіемъ, единственнымъ для меня разсѣяніемъ, былъ мой учитель музыки, искусный органистъ, Неаполитанецъ, имѣвшій около пятидесяти лѣтъ отъ рожденія. Его восторгъ, разнообразныя кривлянья, а всего больше его парикъ, исторгали у меня смѣхъ, который одинъ только и раздавался въ этомъ мрачномъ жилищѣ. Жерардъ Броски былъ истинный артистъ, превосходно зналъ музыку и не мало тѣмъ гордился. Но страсть къ музыкѣ разстроила его разсудокъ; онъ только и мечталъ, и говорилъ о музыкѣ; подходилъ ли къ кому, онъ пѣлъ и часто самому дядѣ отвѣчалъ припѣваючи. Разсказчикъ и хвастунъ, онъ всегда готовъ былъ повторять повѣсть о самыхъ невѣроятныхъ похожденіяхъ своихъ при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ, о Герцогиняхъ и

Графиняхъ его ученицахъ. По его словамъ, любовь заставляла его всегда пренебрегать счастіемъ, которое уже давно ему мстило; и дѣйствительно бѣднякъ не имѣлъ ничего, кромѣ своего веселаго нрава, своихъ каватинъ, изношеннаго чернаго кафтана и огромнаго парика, который составлялъ мою забаву.

» Однажды, противъ обыкновенія, онъ вошелъ въ мою комнату не припѣваючи. Я посмотрѣла на него съ безпокойствомъ.

— » Вы нездоровы, Жерардъ? спросила я его.

— » Нѣтъ, сударыня; но великое несчастіе ожидаетъ меня: мѣста, почести, чины... О я не переживу этого, и при всемъ томъ не могу отказаться.

— » Чтожъ? вѣрно какая нибудь знатная дама хочетъ васъ похитить?

— »Берите выше! Король, Императоръ...

»Тутъ разсказалъ онъ мнѣ, что Императоръ Петръ I-й набираетъ во всей Европѣ ремесленниковъ и артистовъ въ Италіи; что Царь намѣревается завести музыку въ своихъ полкахъ и что ему бѣдняку, предлагаютъ ѣхать въ Россію на весьма выгодныхъ условіяхъ.

»Я не постигала отъ чего онъ сдѣлался такъ печаленъ, такъ мраченъ. Сперва я полагала, что ему жаль со мною разстаться; но Жерардъ былъ столько откровененъ, что не оставилъ меня въ такомъ мнѣніи. У него былъ сынъ, который вмѣстѣ съ музыкою составлялъ все его утѣшеніе! Этотъ прекрасный мальчикъ, по нѣкоторымъ не совсѣмъ яснымъ признаніямъ Жерарда, былъ сынъ знатной особы, какой-то Принцессы, которую онъ обучалъ музыкѣ. Но то вѣрно, что Жерардъ былъ превосходной отецъ, что онъ

обожалъ маленькаго Карла, своего сына, и готовъ былъ отказаться отъ пищи и гитары, лишь бы только порадовать его игрушкою или новымъ платьемъ. Также извѣстно было и то, что бѣдный мальчикъ былъ болѣзненнаго сложенія, что онъ нестрадалъ, и что климатъ Италіи былъ необходимъ для его здоровья. Это весьма встревожило Жерарда. Переселиться съ сыномъ въ холодную страну Россію, значило бы обречь его смерти. Разстаться съ нимъ казалось ему невозможнымъ. Кому его ввѣрить? Кто приложитъ о немъ попеченіе? Что съ нимъ будетъ? Онъ заливался слезами! И я плакала, видя его слезы на лицѣ, которое обыкновенно располагало меня къ веселости.

» Къ счастію въ этотъ день были имянины Герцога Аркосскаго; и вечеромъ, еще теперь помню, хотя мнѣ было не болѣе десяти лѣтъ, мой дядя сказалъ мнѣ

голосомъ, который всегда приводилъ меня въ трепетъ.

— » Потѣшь меня, Жуанита, спой мнѣ пѣсню (Barcarole).

— » Такъ Синьора, вскричалъ съ живостію Жерардъ, для котораго музыка приводила все въ забвеніе, споемте арію Порпора: Opescator felice.

» Мой дядя нахмурилъ брови: со времени возмущенія Мазаніелло, онъ не могъ слышать слова, рыбакъ. Но такъ какъ въ заключеніи каватины Pescator felice слѣдовало кораблекрушеніе, то эта счастливая развязка, вѣроятно болѣе чѣмъ мое пѣніе, доставило моему дядѣ такое удовольствіе что онъ вскричалъ:

— » Браво! браво! проси у меня всего что хочешь; для праздника моего я все для тебя сдѣлаю!

»Я бросилась къ его ногамъ и умоляла принять и воспитывать въ замкѣ маленькаго Карла, который былъ почти однихъ со мною лѣтъ. Въ ожиданіи отвѣта, Жерардъ едва дышалъ; а я блѣдная и съ стѣсненнымъ духомъ дрожала.... ужасъ нашъ вѣроятно понравился моему дядѣ, потому что онъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ сказалъ намъ:

— »Благородный Испанецъ не измѣняетъ своему слову; что я обѣщалъ, то и сдѣлаю. Съ этихъ поръ Карлъ принятъ въ моемъ домѣ; онъ будетъ служить тебѣ пажемъ.

»Не стану вамъ описывать восторга и признательности бѣднаго Жерарда. Онъ былъ счастливъ и отправился въ дальній путь съ спокойствіемъ въ душѣ; въ теченіи трехъ лѣтъ мы постоянно получали отъ него письма. При Россійскомъ Дворѣ

онъ имѣлъ успѣхъ необычайной. Императрица Екатерина назвала его своимъ капельмейстеромъ и оставила при себѣ. На четвертый годъ онъ перестаʌъ къ намъ писать. Какая бы тому была причина? Не сдѣлался ли онъ жертвою холоднаго климата? Любовь, которая вездѣ вредила его счастію, не завлекла ли его въ новую напасть? Этого мы не могли узнать, не получая отъ него никакого извѣстія; и о моемъ учителѣ музыки, о бѣдномъ Жерардѣ перестали говорить.

»Между тѣмъ Карлъ, сынъ его, воспитывался въ домѣ моего дяди и я не могла довольно налюбоваться моимъ молодымъ пажемъ. Нѣжное и слабое его здоровье укрѣпилось, онъ сдѣлался строенъ. Хотя былъ еще весьма молодъ, но черты лица его являли столько благородства и правильности, что мой учитель рисованія,

именемъ Ласка, отличный живописецъ, бралъ его образцемъ для изображенія Ангеловъ и Херувимовъ, которыми онъ украшалъ залъ моего дяди, и бѣдный Карлъ долженъ былъ просиживать передъ нимъ цѣлые часы, вмѣсто того, чтобъ играть и бѣгать въ Паркѣ. Кромѣ того, начиная съ Герцога Аркосскаго до послѣдняго лица въ замкѣ, всѣ давали ему чувствовать его зависимость. Карлъ, скромный, спокойный духомъ, хранилъ молчаніе и никогда не жаловался.... даже и мнѣ ничего не говорилъ и не проливалъ ни одной слезы; но иногда въ черныхъ его глазахъ, которые устремлялъ онъ къ небу, выражалось чувство горести и не изъяснимой гордости.

»Въ замкѣ жилъ еще человѣкъ, о которомъ я должна вамъ сказать. То былъ секретарь моего дяди Теобальдъ Чечи,

молодой человѣкъ, исполненный чувствъ и достоинствъ и заслужившій степень, которую въ послѣдствіи занялъ. Онъ былъ сынъ поселянина въ Калабріи, и, получивъ нѣсколько уроковъ въ Богословіи отъ приходскаго Священника своей деревни, возъимѣлъ желаніе обучаться наукамъ. Одаренный духомъ твердымъ и непоколебимымъ, въ полномъ упованіи на Бога, онъ оставилъ хижину своей матери, пришелъ пѣшкомъ въ Неаполь, сдѣлался тамъ носильщикомъ, и деньги, которыя доставалъ утромъ, употреблялъ вечеромъ на учителей и на покупку книгъ. Надъ ними просиживалъ онъ цѣлыя ночи, и тѣмъ изнурилъ свои силы и свое здоровье. Блѣдный, худощавый, желтый въ лицѣ, со лбомъ въ морщинахъ, Теобальдъ, которому едва исполнилось двадцат лѣтъ, казался старикомъ въ шестьдесятъ; но въ Италіи онъ былъ уже однимъ изъ ученѣй-

шихъ мужей по Исторіи и Богословіи и зналъ совершенно многіе языки. Не взирая на свою ученость, онъ былъ неизвѣстенъ въ Неаполѣ, съ трудомъ доставалъ себѣ пропитаніе, и чрезъ посредство своего пріятеля, принялъ мѣсто секретаря у Герцога Аркосскаго. Жалованье свое, состоявшее изъ двухъ сотъ червонцевъ, пересылалъ онъ своей матери, и жилъ въ уединеніи въ древнемъ замкѣ, гдѣ его обязанности состояли въ томъ, чтобъ писать подъ диктовку моего дяди и учить меня языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Въ остальное время дня онъ запирался въ библіотекѣ замка для своихъ занятій.

» Мрачный и строгій, но преисполненный чувствъ набожныхъ съ которыми соединялось и снисхожденіе, онъ одинъ говорилъ съ Карломъ съ участіемъ и добродушіемъ, между тѣмъ какъ всѣ въ домѣ

обходились съ нимъ какъ съ лакеемъ, хотя Карлъ исполнялъ обязанности пажа знатнаго дома. За столомъ онъ стоялъ подлѣ меня, наливалъ мнѣ питье и подавалъ послѣ обѣда хрустальную чашу съ кувшиномъ, для умыванья рукъ. По утру раскладывалъ мои книги и бумаги; и во время уроковъ Теобальдовыхъ, стоялъ тихо за моими креслами и, слушая со вниманіемъ, ожидалъ моихъ приказаній. Будучи скроменъ и робокъ, онъ не смѣлъ мнѣ изъявлять своей признательности, но я во всемъ находила тому доказательства. При малѣйшемъ моемъ желаніи, онъ съ радостію повиновался мнѣ, носилъ за мною мое рукодѣлье, мои перчатки, мое опахало, и въ праздничные дни шлейфъ моего платья! По его старанію прекраснѣйшіе цвѣты украшали мой каминъ, или увеличивали блескъ моего наряда. Двадцать слугъ моего дяди не могли бы ему такъ

угодить, какъ мнѣ угождалъ мой молодой и прекрасной пажъ! И я, привыкнувъ повиноваться, въ дѣтскихъ мысляхъ своихъ гордилась, что въ свою очередь могла надъ кѣмъ нибудь выказывать всю свою власть; но строгость этой власти умѣрялась моею юностію; потому что часто онъ раздѣлялъ со мною игры; въ свободные часы госпожа и пажъ забывали разстояніе, ихъ раздѣлявшее.

»Впрочемъ мнѣ помнится, что однажды я ему велѣла играть со мною въ воланы въ большомъ залѣ замка, и подвигаясь впередъ или взадъ, мы очутились, не вѣдая какъ, близъ вазы изъ Богемскаго стекла чудесной работы, изображавшей гербъ предковъ Аркоса. Мой дѣдъ такъ ее уважалъ, что наистрожайше запретилъ намъ ее трогать и даже на нее смотрѣть. Но по моей неосторожности ударомъ ра-

кеты это рѣдкое художественное произведеніе разбилось въ дребезги и упало къ ногамъ нашимъ. Громовой ударъ не могъ бы меня сильнѣе поразить. Ракета выпала у меня изъ рукъ, я едва не лишилась чувствъ и облокотилась на диванъ; между тѣмъ Карлъ спѣшилъ собрать разлетѣвшіеся куски, какъ будто бы могъ имъ дать прежнюю форму. Вдругъ въ ближайшей комнатѣ послышался грозный голосъ моего дяди, который раздался въ моихъ ушахъ, какъ голосъ — предвѣстникъ преставленія свѣта!... Ахъ! вѣроятно отъ ужаса не умираютъ; у меня еще достало силъ, чтобъ броситься въ боковую дверь. — Бѣги, бѣги, кричала я Карлу, прибѣжала въ свою комнату и замкнувъ дверь была увѣрена, что тѣмъ не допущу разразиться надо мною гнѣву дяди моего.

» Карлъ, менѣе меня проворный, не успѣлъ убѣжать за мною и былъ еще въ

залѣ, когда дверь отворилась и Герцогъ Аркосскій вошелъ въ праздничномъ одѣяніи съ шляпою на головѣ и держа трость съ золотымъ набалдашникомъ въ рукѣ.

» Онъ тотчасъ обратилъ взоры на то мѣсто, гдѣ обломки покрывали паркетъ. Карлъ поблѣднѣлъ, но стоялъ прямо и неподвижно, видя подходящаго къ нему Герцога. Кто разбилъ вазу? Карлъ молчалъ. Кто разбилъ вазу? повторилъ Герцогъ грознымъ голосомъ, махая тростью. »Я разбилъ вазу!« отвѣчалъ робко великодушный Карлъ.... и Герцогъ уже хотѣлъ ударить, какъ вдругъ явился Теобальдъ. Онъ подбѣжалъ къ моему дяди, старался его умилостивить, и подвергая себя всему, осмѣлился ему представить, что онъ неправъ, предаваясь такому гнѣву противъ ребенка. — Неправъ! — При этомъ словѣ, бѣшенство Герцога не имѣло уже границъ.

— » А если я тебя выгоню изъ дому, если накажу тебя самаго, вскричалъ онъ, занося руку на Теобальда.

— »Тѣмъ болѣе вы будете неправы, возразилъ онъ хладнокровно.

И взявъ почтительно трость изъ дрожащихъ рукъ старика бросилъ ее за окно.

»Гнѣвъ моего дяди дошелъ до высшей степени, и уже не могъ болѣе увеличиться. Смущенный хладнокровіемъ Теобальда, онъ упалъ въ кресла и не въ состояніи былъ произнесть ни одного слова; но позвонилъ, далъ знакъ дворецкому увесть Карла, который уходя бросилъ на Теобальда взглядъ признательности, выражавшій: Впредь я весь твой и тѣломъ и душею! . . . И онъ сдержалъ слово.

»Между тѣмъ я не смѣла выдти изъ комнаты. Надлежало однакожъ идти къ

столу. Дядя мой въ мрачномъ молчаніи сидѣлъ одинъ въ столовой. За нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ Карлъ, блѣдный, едва держась на ногахъ; но глаза его блистали, и, при моемъ появленіи, на лицѣ его выразилось такое чувство радости, что я сперва подумала: все прошло благополучно и мой дядя ничего не знаетъ. Но какъ велика была моя горесть, когда вечеромъ узнала я, что бѣдный Карлъ, раздѣтый, уведенъ былъ дворецкимъ и высѣченъ розгами до крови, и что боль не исторгла у него ни одной жалобы, ни одного слова. Негодованіе овладѣло мною, я побѣжала къ Карлу и хотѣла во всемъ признаться.

— »Къ чему это послужитъ? сказалъ онъ горестно улыбаясь; возобновить гнѣвъ вашего дяди, который, слава Богу, наконецъ успокоился.

— »Но что же я могу сдѣлать для тебя Карлъ, въ замѣнъ твоей преданности?

— »Хранить молчаніе, Синьора, и не лишать меня моего счастія.

»Вы можете себѣ представить, что съ этой минуты, я стала ему покровительствовать; онъ сдѣлался моимъ любимцемъ, моимъ вѣрнѣйшимъ слугою. Преданность его была неограниченна. Всѣ его мысли стремились угадывать волю мою и предупреждать всѣ мои желанія. Дядя мой часто повелѣвалъ имъ.... я же никогда; да мнѣ и не нужно было этого.

»Теобальдъ въ тотъ же вечеръ хотѣлъ оставить замокъ. Дядя мой, имѣя нужду въ его услугахъ (онъ былъ тогда въ перепискѣ со многими Принцами Германіи) повелительно требовалъ, чтобъ онъ остался; Теобальдъ, не взирая на его приказа-

нія, готовился въ путь. Видя, что я теряю его, въ горести умоляла его остаться съ нами.... онъ былъ въ нерѣшимости!...

— » Ахъ! вскричала я, заливаясь слезами, у меня не будетъ болѣе друга!

» И онъ остался.

» Теобальдъ обходился совсѣмъ сурово и былъ строгъ, ко мнѣ одной былъ добръ и снисходителенъ. Какъ ни скучны были для него занятія преподавателя, онъ не терялъ терпѣнія, которое часто доводила я до сильнаго искушенія, особливо при изученіи иностранныхъ языковъ. Французскому я училась съ нѣкоторымъ успѣхомъ; но Нѣмецкій языкъ, который дядя мой особенно уважалъ, наводилъ на меня смертельную скуку, такъ, что когда я послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій, не могла удержать въ памяти ни одного слова этого нарѣчія, которое мнѣ Ита-

ліанкѣ казалось варварскимъ, я убѣдительно просила Теобальда прекратить Нѣмецкіе уроки. Онъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ я о томъ поговорила съ Герцогомъ Аркосскимъ. Я обѣщала, но никогда не могла на это рѣшиться.

»Однажды когда мы были на единѣ съ дядею, онъ спросилъ меня, все ли еще Нѣмецкіе уроки скучны? я запинаясь, отвѣчала:

— »Теперь уже не скучаю отъ нихъ.

— »И такъ ты начинаешь понимать этотъ языкъ.

»Зная, что Герцогъ не зналъ ни слова, я смѣло отвѣчала.

— »Весьма хорошо понимаю, дядюшка.

»Но случилось, что въ отсутствіе Теобальда (онъ отправился къ своей опасно

больной матери) дядя мой получилъ письмо отъ Маркграфа Аншпахскаго, письмо дружеское на трехъ страницахъ, писанное самымъ труднымъ, ужаснымъ Нѣмецкимъ языкомъ.

— »Что тутъ заключается? сказалъ онъ мнѣ, прочти его!

»Посудите о моемъ замѣшательствѣ. Я вертѣла въ рукахъ это злосчастное посланіе.... и не находила другаго извиненія какъ только то, что отвѣчала:

— »Переводъ будетъ весьма продолжителенъ.

— »Если только это, такъ приготовь его къ вечеру....

»Затрудненіе было не во времени. Я возвратилась въ свою комнату, гдѣ провела нѣсколько часовъ въ слезахъ, проклиная Маркграфа Аншпахскаго. Позвали

къ столу. Я оставила письмо на столѣ и сошла внизъ съ смертнымъ страхомъ.

— »Кончила ли ты? спросилъ мой дядя.

»Я опустила голову и ничего не отвѣчала, и это молчаніе онъ принялъ за утвердительный отвѣтъ. Не могу вамъ описать, въ какой я пришла ужасъ, когда послѣ обѣда вечеромъ онъ спросилъ:

— »Гдѣ это письмо?

— »На моемъ столѣ, отвѣчала я, предавая душу свою на волю Божію.

— »Я была въ такомъ страхѣ, видя приближеніе грозы, что не могла выговорить ни одного слова. Къ большему стыду моему Теобальдъ, который только что возвратился, вошелъ въ залъ. Мой дядя разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— »Вотъ, сказалъ онъ, принимая принесенное Карломъ письмо, вотъ ваша

ученица прочтетъ намъ свой переводъ. Слѣдуйте за текстомъ и сличайте вѣренъ ли переводъ.

» Оказались двѣ бумаги, изъ которыхъ онъ одну далъ мнѣ, а другую вручилъ моему Профессору, котораго безпокойство ровнялось моему. Онъ тревожился, измѣнялся въ лицѣ, не зная говорить ли въ мою пользу или молчать. Но сколь велико было мое удивленіе, когда взглянувъ на поданную мнѣ бумагу, я увидѣла письмо Маркграфа ясно и хорошо переведенное. — Я читала громко и Теобальдъ, слѣдуя за подлинникомъ, въ изумленіи не могъ удержаться отъ восклицаній, которыя мой дѣдъ принималъ за знаки одобренія, а я, видя себя спасенною и приписывая свое избавленіе чуду, для меня не постижимому, мысленно себя спрашивала: какой Ангелъ Спаситель, какой невиди-

мый духъ вывелъ меня изъ бѣды и бережетъ меня?

» Но извините меня, извините! сказала Графиня, ослабѣвшимъ голосомъ. Воспоминанія моей юности увлекли меня далѣе, нежели я хотѣла. У меня нѣтъ силъ продолжать. . . .

И сестра ея, которая нѣсколько разъ старалась прервать разсказъ, просила ее умолкнуть, и подавая руку Фернанду, сказала: до завтра!

II.

На другой день Графиня продолжала разсказъ свой:

»Дядя мой вышелъ изъ комнаты; Теобальдъ и я смотрѣли еще другъ на друга въ изумленіи, не въ состояніи будучи объяснить себѣ это волшебное и сверхъестественное приключеніе. Кромѣ моего наставника, который только что прибылъ, никто въ замкѣ не зналъ Нѣмецкаго языка.... не выключая и меня, хотя я уже съ годъ училась ему. Карлъ, стоя въ углу,

смотрѣлъ на насъ улыбаясь; потомъ обратился къ Теобальду и сказалъ:

— »А что, господинъ наставникъ, вы и не догадываетесь, что у васъ здѣсь однимъ ученикомъ больше, который вамъ обязанъ счастіемъ быть полезнымъ своей благодѣтельницѣ?

»Теобальдъ пришелъ въ недоумѣніе, потому что эти слова были произнесены на чистѣйшемъ Нѣмецкомъ языкѣ; а я вскричала:

— »Какъ, Карлъ, этотъ переводъ твой! и откуда взялось у тебя это знаніе?

— »Вы не хотѣли заниматься и я похитилъ у васъ это познаніе, отвѣчалъ Карлъ. Простите ли вы мнѣ кражу, которая навсегда осталась бы вамъ неизвѣстною, еслибъ не представился сего дня случай воздать вамъ за то, чѣмъ я вамъ одолженъ.

»И дѣйствительно, въ теченіи трехъ лѣтъ Карлъ, будучи нѣмымъ внимательнымъ свидѣтелемъ всѣхъ нашихъ уроковъ успѣлъ болѣе чѣмъ я, и свободныя двѣ трети дня, посвящалъ наукамъ, тогда какъ я полагала, что онъ проводитъ это время въ праздности. Имѣя право входить во всякое время въ мою учебную комнату, за порядкомъ которой обязанъ былъ наблюдать, онъ пользовался моими книгами, моими тетрадями; и при своемъ прилежаніи и рвеніи къ наукамъ, онъ скоро сдѣлался ученѣе вѣтренной и безаботливой дѣвочки!

»Этотъ пажъ, этотъ мальчикъ, котораго всѣ въ домѣ презирали, владѣлъ совершенно какъ нашимъ, такъ и другими иностранными языками, зналъ Исторію, Географію, и даже въ музыкѣ былъ сильнѣе меня. Какъ скоро я выходила, онъ садил-

ся за клавикорды. Иногда отошедши далеко, я слышала звуки, но полагала, что учитель мой, оставшись въ комнатѣ, еще упражнялся.

»Вы можете судить, что послѣ такого признанія, Карлу не нужно было скрывать своихъ занятій. Онъ занимался вмѣстѣ съ нами. Его успѣхи возбудили во мнѣ соревнованіе, и я скоро стала находить въ наукахъ прелесть, до того мнѣ неизвѣстную. Что касается до Теобальда, то онъ гордился нашими успѣхами, особенно успѣхами Карла, который при развившихся рано понятіяхъ, постигалъ съ неимовѣрною легкостію предметы самые трудные и отвлеченные. Память неутомимая, быстрый взглядъ, соображеніе пылкое и благородство мыслей, проистекавшія не отъ ума, но отъ сердца, были достоинствами, торорыя отличали Карла въ

такой степени, что Теобальдъ часто смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и говорилъ мнѣ съ видомъ пророчества:

— »Повѣрьте мнѣ, это человѣкъ необыкновенный; въ какое бы сословіе онъ ни вступилъ, вездѣ ему первое мѣсто.

— »Если это исполнится, вскричалъ Карлъ, вамъ, друзья мои, я буду тѣмъ обязанъ, и бѣдный сирота никогда этого не забудетъ.

»Вскорѣ потомъ учителю нечему было учить ученика своего, который сдѣлался его товарищемъ въ занятіяхъ. Я же, будучи еще такъ молода, не могла ни за нимъ слѣдовать, ниже сравняться съ нимъ въ наукахъ; одно достоинство, которое я пріобрѣла и которымъ гордилась, было то, что умѣла ихъ цѣнить и находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ ними. Какъ пріятна и плѣнительна была эта бесѣда!

Благородство и возвышенность чувствъ ихъ, было такъ убѣдительно, краснорѣчіе ихъ такъ увлекательно! Въ безлюдствѣ древняго замка, близь суроваго и гнѣвнаго старика, быстро летѣли часы въ залѣ нашихъ занятій, въ этомъ святилищѣ наукъ и дружбы! За днями безпечнаго дѣтства послѣдовала златая юность съ своими восхитительными мечтами, богатыми призраками, открывавшая безпредѣльную будущность. Теобальдъ, старшій насъ годами и не столь счастливый, былъ разсудительнѣе и важнѣе въ разговорахъ. Онъ узналъ свѣтъ, то есть, испыталъ горе; нашъ удѣлъ былъ уединеніе, дружба и счастіе.

» Однажды утромъ, въ прекрасный осенній день, сидя всѣ трое въ алеѣ парка, мы разговаривали между собою; и никогда Карлъ не былъ такъ веселъ и любезенъ,

— »Мнѣ снилось въ эту ночь, говорилъ онъ, что я знатный вельможа и первый Министръ.

— »Въ какомъ Государствѣ? спросила я.

— »Этого не помню.

— »А во снѣ вашемъ какое мѣсто я занимала?

— »Вы, Синьора, вы были Королевою.

— »А Теобальдъ?

— »Духовникомъ Короля!

»При этомъ неожиданномъ заключеніи я не могла удержаться отъ смѣха, и Карлъ раздѣлялъ мою веселость. Теобальдъ одинъ сохранилъ всю свою важность и сказалъ покачивая головою:

— »А что-жъ!... развѣ это невозможно?

»При этихъ словахъ нашъ смѣхъ увеличился.

— »Не смѣйтесь, сказалъ онъ намъ съ большимъ хладнокровіемъ. Изъ насъ троихъ я долженъ быть всѣхъ благоразумнѣе.... а я напротивъ слабѣе и суевѣрнѣе васъ.... То, что вы говорите, меня поразило и противъ воли моей я не могу тому не вѣрить.

— »Почему такъ? спросилъ я.

— »Потому, что мнѣ снилось тоже самое.

»Мы вскрикнули отъ удивленія.

— »Да, сказалъ онъ Карлу, я священникъ, а ты вельможа.

— »А я? былъ мой вопросъ.

— »А вы, это другое дѣло. . . . сказалъ онъ печально, васъ уже тамъ не было, вы отъ насъ уѣхали, вы насъ оставили!

— »Ахъ, вашъ сонъ лжетъ и ничего не

значитъ, вскричала я. Не знаю, что намъ предопредѣлено, но какова бы ни была моя участь, клянусь, ничто не изгладитъ изъ моей памяти друзей моего дѣтства.

— »И мы не забудемъ васъ, вскричали они оба, простирая ко мнѣ руки.

»Тутъ наступила минута молчанія, и Теобальдъ продолжалъ рѣчь тихо и въ размышленіи.

— »Да, Синьора, наши предчувствія исполнятся. Обладая несмѣтными богатствами, вы будете на высокой степени, обожаемы всѣми! А ты Карлъ, я полагаюсь болѣе на твои достоинства нежели на твой сонъ, ты долженъ, не взирая на всѣ препятствія, на твое произхожденіе, проложить себѣ путь и достигнуть первыхъ почестей.

— »Тѣмъ лучше для тебя, сказалъ

Карлъ весело, трепля его по плечу съ видомъ покровителя.

— » О! я, возразилъ Теобальдъ, кажется, всегда останусь въ ничтожествѣ и ни къ чему не буду способенъ на свѣтѣ, какъ только васъ любить, васъ сберегать и посвятить вамъ всю свою жизнь. И такъ вы видите, продолжалъ онъ улыбаясь и пожимая намъ руки, что моя доля самая лучшая, и что изъ насъ троихъ, я буду всѣхъ счастливѣе.

» Тутъ раздался колоколъ въ замкѣ и мы разстались, возобновивъ въ вѣчной дружбѣ клятвы, которыя небо слышало и сердца наши сохранили.

» Противъ обыкновенія въ эту минуту прибыло многочисленное и шумное общество. Молодые вельможи изъ окрестностей, выѣхавъ съ утра на охоту, усталые

заѣхали отдохнуть у Герцога Аркосскаго, ихъ сосѣда.

»Моему дядѣ, какъ владѣтелю замка, такъ лестно было это посѣщеніе, что онъ не могъ не принять съ радостію неожиданныхъ гостей; и, если бы даже онъ былъ къ тому равнодушенъ, Испанская гордость заставила бы его изъ уваженія къ нимъ исполнить въ полной мѣрѣ долгъ гостепріимства. И такъ онъ велѣлъ извѣстить меня, чтобъ я сошла въ залъ и приняла гостей съ должнымъ приличіемъ. Я повиновалась; и когда вошла, между молодыми людьми, обратившими тотчасъ взоры на меня, произошелъ шопотъ, который меня удивилъ и привелъ въ совершенное замѣшательство. Въ замкѣ насъ рѣдко посѣщали гости; и знатныя особы, пріѣзжавшія къ намъ были обыкновенно престарѣлыя Герцогини, или обремененные лѣ-

тами вельможи, друзья моего дяди и его сверстники. Это важное общество мало обращало на меня вниманія и почитало меня обыкновенно ребенкомъ. Между тѣмъ я выросла и мнѣ уже было пятьнадцать или шестьнадцать лѣтъ. Мнѣ казалось, когда я случайно смотрѣлась въ зеркало, что черты лица моего не заключаютъ въ себѣ ничего непріятнаго; но я никогда не обращала на это вниманія; друзья мои мнѣ о томъ никогда не говорили, а въ этотъ день, внезапное впечатлѣніе сдѣланное мною на всѣхъ этихъ господъ, мнѣ не знакомыхъ, привело меня въ смятеніе, мнѣ еще неизвѣстное, но польстившее моему самолюбію.... все мнѣ говорило, въ первый разъ, что я не дурна собою, что имѣю пріятную наружность; и если бы я въ этомъ еще сомнѣвалась, то восклицанія слышанныя мною со всѣхъ сторонъ, скоро бы меня въ томъ увѣрили.

— » Какъ она прекрасна! Какой величественный станъ! Какіе черные глаза! нѣтъ ничего прекраснѣе при Дворѣ!

— » Я бы все отдалъ за нее, вскричалъ одинъ дворянчикъ небольшаго роста съ черными усами.

— » И я также, произнесъ другой хриплымъ голосомъ, отъ котораго я содрогнулась, все, кромѣ моей своры и моего Арабскаго коня!

» Всѣ эти рѣчи были выговорены въ залѣ въ одно время тихимъ голосомъ въ двадцати разныхъ группахъ; не знаю, какъ это случилось; но я не проронила ни одного слова.

» Въ это время вошелъ мой дядя въ парадномъ платьѣ, съ лентою ордена Калатравы чрезъ плечо, и пригласилъ гостей въ столовую.

» Тутъ они все забыли и ихъ аппетитъ,

послѣ охоты, не позволялъ имъ далѣе заниматься мною; имъ предстояло другое дѣло. Послѣ первыхъ минутъ молчанія, послѣдовалъ шумный разговоръ. Всякой выхвалялъ свои геройскія дѣла на охотѣ, и когда выпито было довольно вина, то не возможно было уже понимать другъ друга. Боже мой, какіе разговоры, какое невѣжество, какая нелѣпость! Еще было бы сносно, если бы эти дворяне были только глупы и безсмысленны; но къ несчастію многіе изъ нихъ не только были вздорны, но отличались еще грубостію и дурнымъ тономъ. Изумленная и въ замѣшательствѣ, казалось, я слышала языкъ мнѣ неизвѣстный, находилась въ другомъ, непріязненномъ мірѣ, далеко отъ моей стороны, отъ моихъ друзей, съ которыми нетерпѣливо желала соединиться; а обѣду конца не было и безпрестанные тосты разгорячали умы всѣхъ гостей.

— » За здоровье Синьоры! вскричалъ одинъ изъ нихъ, и выпилъ большой бокалъ вина.

— » За здоровье нашего хозяина Герцога Аркосскаго! повторилъ другой.

» Да здравствуютъ кабаны въ его помѣстьяхъ, прогремѣлъ хриплый голосъ, который я уже слышала въ залѣ.

» Этотъ неустрашимый охотникъ, Нимродъ страны, былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ, съ рыжими волосами и усами; его грубыя высокомѣрныя черты лица были бы довольно правильны, когда бы не были сморщены отъ длиннаго рубца, причиненнаго ему сучкомъ на охотѣ.

— » Пью за кабановъ этого помѣстья! повторилъ онъ, и за того, котораго убилъ я сего дня по утру.

— » Ты ошибаешься, Одоардъ, возразилъ одинъ изъ гостей, отъ моей руки палъ этотъ кабанъ.

— » Нѣтъ, моя пуля попала въ него, я это самъ видѣлъ.

— » Да, когда она его коснулась, онъ уже былъ мертвъ.

— » Ты лжешь.

» Тутъ противникъ хотѣлъ броситься на него; Герцогъ Аркосскій, поспѣшно всталъ, ихъ розняли и съ трудомъ прекратили эту распрю, не допустивъ до дальнѣйшихъ послѣдствій. Стали собираться въ путь; и когда гости прощались съ дядею, сзывали слугъ, приказывали сѣдлать лошадей, я осталась на минуту одна съ ужаснымъ Одоардомъ, вѣчнымъ охотникомъ, и могла легко замѣтить, что онъ въ залѣ еще менѣе заслуживалъ вни-

манія, чѣмъ за столомъ. Испанскія вина, которыми дядя мой такъ щедрѣ его угостилъ, лишили его разсудка, которымъ природа скупо надѣлили его; и онъ съ великимъ трудомъ могъ извиниться въ томъ, что произходило. Потомъ сдѣлался смѣлѣе, глаза его заблистали, онъ сталъ выступать бодрѣе и высказалъ мнѣ нѣсколько привѣтствій столь выразительныхъ, что я хотѣла удалиться.

— »Не бойтесь ничего, сказалъ онъ мнѣ, и удостойте храбраго кавалера поцѣлуемъ прощальнымъ, поцѣлуемъ рыцарскимъ.... Я оттолкнула его.... но тщетно; и когда онъ опять сталъ подходить, я хотѣла броситься къ звонку, однакожъ онъ догадался о моемъ намѣреніи и, вставъ между каминомъ и мною, сурово оттолкнулъ меня. Отъ грубаго ли и неожиданнаго толчка или отъ ужаса, кото-

рый овладѣлъ мною, едва держась на ногахъ, я закричала. Въ эту минуту показался у дверей Карлъ; онъ бросился къ Одоарду и ударилъ его по щекѣ: тотъ въ бѣшенствѣ выдернулъ изъ-за пояса охотничій ножъ и поразилъ имъ Карла. . . . Я видѣла, какъ блеснула сталь, какъ полилась кровь, и потомъ уже ничего не видала и не слышала; я упала безъ памяти. Когда же пришла въ себя, когда опять возвратилась къ жизни и мысли, увидѣла себя на постели въ обширной комнатѣ едва освѣщенной, и при слабомъ свѣтѣ лампады увидѣла двухъ человѣкъ: одинъ, стоя, подымалъ мою голову для пріема питья; другой на колѣняхъ у моей постели молился. »Богъ услышалъ наши молитвы,« произнесъ тихо голосъ, которой я узнала; это былъ Карлъ: »Напослѣдокъ она приходитъ въ чувство, открываетъ глаза....« И оба друга обнялись.... Я ихъ

видѣла и не могла понять, какимъ образомъ я очутилась въ этой комнатѣ, въ этой постели.... безъ слуги, безъ женщины, и только Теобальдъ и Карлъ имѣли обо мнѣ попеченіе. Я позвонила, никто не являлся.... хотѣла говорить, меня заставили молчать.... Я пожелала насладиться дневнымъ свѣтомъ.... отложили до другаго дня, и тогда только я узнала истину.

» Карлъ былъ легко раненъ въ руку, но я занемогла сильною горячкою, нѣсколько дней продолжался бредъ и вскорѣ открылась ужасная прилипчивая болѣзнь, свирѣпствовавшая въ нашей странѣ, и наносившая смерть всякому, кто былъ ею зараженъ. При первыхъ признакахъ натуральной оспы, страхъ распространился въ замкѣ. Дядя мой, будучи робокъ, заботился только о собственномъ своемъ

сохраненіи, такъ какъ и всѣ прочіе. Вообще люди, достигшіе глубокой старости, желаютъ долѣе прожить и болѣе привязаны къ земнымъ благамъ, потому что скоро должны будутъ ихъ лишиться. Дядя мой не хотѣлъ меня видѣть, заперся въ своихъ покояхъ и пресѣкъ всѣ сообщенія со мною, и я думаю, готовъ былъ бы меня выслать изъ замка, если бы смѣлъ на то рѣшиться, и нашелъ такого человѣка, который отважился бы исполнить его приказаніе. По примѣру господина, внезапный страхъ овладѣлъ всѣми людьми въ замкѣ. Ни одинъ не осмѣлился дотронуться до меня и даже подойти къ моей комнатѣ, я была какъ бы зараженная чумою, осуждена на смерть, которой всѣ съ ужасомъ избѣгаютъ. Между тѣмъ друзья мои уже двѣ недѣли заботились обо мнѣ; сидя у постели моей, они день и ночь смотрѣли за мною, дышали смертоноснымъ воз-

духомъ, и въ награду за свое самоотверженіе и за свою дружбу, просили только у Бога даровать мнѣ жизнь и наконецъ были обрадованы счастливою перемѣною! Въ эту минуту глаза ихъ были устремлены на меня съ тѣмъ небеснымъ выраженіемъ, съ тою сердечною радостію, которую ощущаетъ мать спасшая свое дитя; потомъ вдругъ увидѣла я, что они съ безпокойствомъ и со страхомъ осматривали черты лица моего, но скоро успокоились и во взорахъ ихъ выразилось чувство довольства и счастія; ихъ чистосердечный восторгъ доказывалъ мнѣ лучше всѣхъ изъявленій любви и дружбы то, чего я была въ опасности лишиться.

» Оба стояли на колѣняхъ у постели моей, цѣловали мои руки, которыя я сурово и со страхомъ отнимала. Увы! разсудокъ мой опять возвратился, а съ нимъ

признательность и опасеніе. Я страшилась, чтобы друзья мои не сдѣлались жертвою своей великодушной привязанности; и мое предчувствіе скоро сбылось. Чрезъ нѣсколько дней Теобальдъ слегъ тою же болѣзнію, отъ которой я его попеченіемъ освободилась. Тогда Карлъ удалился отъ меня; жизнь Теобальда была въ опасности, на его одного обратилъ онъ всю свою любовь, всю свою привязанность, всѣ свои попеченія. Въ юныхъ лѣтахъ своихъ, или лучше сказать въ твердой и неутомимой душѣ своей онъ почерпалъ новыя силы и, одушевленный чувствомъ любви и дружбы, онъ проводилъ дни и ночи подлѣ своего умирающаго друга, котораго держалъ въ своихъ объятіяхъ; и когда я говорила ему какой опасности онъ себя подвергаетъ, онъ отвѣчалъ смотря на меня: »Ангелы мнѣ покровительствуютъ и я ничего не опаса-

юсь, самъ Богъ меня сохранитъ.« Такимъ образомъ упованіе на Всевышняго и твердость духа были съ нимъ не разлучны, онъ одинъ ободрялъ насъ и подавалъ намъ надежду. Иногда видѣла я его въ смятеніи и противъ воли уступающимъ чувству безпокойства и печали; но скоро онъ опять одерживалъ верхъ надъ собою, спокойствіе появлялось на лицѣ его и скорбѣя въ душѣ онъ улыбался. »Посмотрите, говорилъ онъ, опасность миновалась, ему лучше, гораздо лучше. Богъ не оставляетъ насъ.« Онъ говорилъ правду! Всевышній услышалъ наши молитвы, болѣзнь не коснулась Карла, и Теобальдъ возвратился къ жизни, но язва оставила ужасные слѣды; онъ былъ не такъ счастливъ какъ я, онъ былъ обезображенъ. Я не былъ пригожъ, говорилъ онъ намъ улыбаясь, а теперь весьма дуренъ, вы меня уже не узнаете. — Неограниченною

дружбою нашею мы старались его успокоить и доказали ему, что чувства наши къ нему не перемѣнились. Мы возобновили наши утреннія занятія, наши пріятныя бесѣды, прежнюю счастливую жизнь, и въ тѣсной дружбѣ проводили еще счастливѣйшіе дни; минувшая опасность услаждала ихъ новою прелестью. Такъ ясное утро вдвое прекраснѣе послѣ свирѣпствовавшей бури!

»Съ каждымъ днемъ Карлъ казался намъ плодовитѣе въ своихъ разговорахъ, веселѣе; пріятность его слова и его умъ одушевляли всѣ наши бесѣды; и когда взоры его останавливались на насъ обоихъ, на насъ, которыхъ онъ спасъ, на лицѣ его изображалось чувство душевнаго удовольствія и счастія. О себѣ онъ никогда не думалъ, только нами занимался и всегда старался насъ развеселить и развлечь бѣд-

наго Теобальда, который съ самой болѣзни и во время выздоравливанія своего былъ всегда печаленъ и задумчивъ. Часто замѣчала я, что онъ гуляя въ паркѣ одинъ съ поникшею головою, при нечаянной со мною встрѣчѣ, поспѣшно утиралъ слезу; это насъ тревожило и мы спрашивали о причинѣ его грусти.

— » Моя бѣдная мать, отвѣчалъ онъ, опасно больна, и мы дѣлили съ нимъ его страданія. Увы! вскорѣ ея не стало и наши слезы смѣшались съ его слезами, но не могли умѣрить его печали, которая съ каждымъ днемъ становилась мрачнѣе. Наконецъ, уступая нашимъ неотступнымъ просьбамъ, онъ намъ признался, что уже давно помышлялъ объ одномъ предпріятіи, о которомъ сообщитъ намъ на другой день.

» На другое утро я сидѣла въ музыкаль-

ной залѣ подлѣ Карла, котораго пальцы пробѣгали по клавикордамъ; но вмѣсто того, чтобъ разигрывать ноты, лежавшія передъ нами, мы разговаривали. Я напомнила ему о ранѣ, которую онъ получилъ, защищая меня; онъ одинъ только забылъ о ней и никогда не жаловался; я ему напомнила о той минутѣ, когда онъ вошелъ въ залу, когда Одоардъ меня такъ дерзко оттолкнулъ.

— » Ахъ! сказалъ онъ мнѣ, это былъ день ужаснѣйшій въ моей жизни и никогда я не испыталъ такого страданія, какое почувствовалъ въ эту минуту!

— » Когда онъ тебя поразилъ ножемъ! вскричала я.

— » Нѣтъ, когда я подумалъ, что онъ васъ обниметъ!

» При этихъ словахъ, которыя, казалось, вырвались изъ устъ его, въ его голосѣ,

въ его взглядѣ было выраженіе, котораго я никогда не замѣчала и которое меня привело въ трепетъ.

— » Карлъ, вскричала я, наклонясь къ нему.

» Онъ испустилъ крикъ отъ боли и перемѣнился въ лицѣ.... Я противъ воли сильно прижала руку, которою онъ еще страдалъ, и въ отчаяніи, внѣ себя, я упала на колѣна и просила прощенія; онъ хотѣлъ меня поднять, голова его коснулась моей, и онъ устами дотронулся до моего лба. Въ эту минуту вошелъ Теобальдъ. Увидѣвъ насъ въ такомъ положеніи, онъ поблѣднѣлъ, а Карлъ и я измѣнились въ лицѣ; присутствіе Теобальда привело насъ въ замѣшательство, котораго я не могла себѣ объяснить.

» Теобальдъ успокоился, принялъ опять свой прежній видъ и съ обычною улыб-

кою столь пріятною и вмѣстѣ съ тѣмъ столь горестною, сказалъ намъ садясь подлѣ насъ:

— » Друзья мои, помните ли, въ какое я пришелъ удивленіе, когда услышалъ сонъ Карла? эти мысли давно меня занимали: первыя мысли, которыя сдѣлали на меня впечатлѣніе; лѣтами и несчастіями онѣ во мнѣ утвердились. Когда смерть угрожала вамъ, Синьора, я далъ обѣщаніе Богу, что, если онъ даруетъ вамъ жизнь, я обращусь къ Нему, посвящу себя его Олтарямъ.

— » Какъ, вскричала я, вы хотите идти въ монахи?

— » А почему нѣтъ? Какая участь ожидаетъ меня въ свѣтѣ? Могу ли надѣяться, тѣмъ болѣе теперь, на счастіе семейное? Какая женщина захочетъ меня имѣть му-

жемъ? Кто меня полюбитъ? Монашеская жизнь обѣщаетъ мнѣ спокойствіе души и уединеніе. Она совершенно соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ къ тишинѣ и занятіямъ; она насъ не разлучитъ, Богъ не запрещаетъ любить своихъ друзей.... напротивъ я буду молиться за нихъ и одно буду имѣть въ предметѣ,—ихъ счастіе.

» Карлъ, увлеченный дружбою, тщетно хотѣлъ своими доводами отвратить его отъ принятаго имъ намѣренія. Теобальдъ, котораго твердое намѣреніе ни подъ какимъ видомъ не могло измѣниться, отклонилъ хладнокровно всѣ его представленія; когда же мы стали неотступно его просить:

— » Кто вамъ сказалъ, возразилъ онъ улыбаясь, что я рѣшился на это не изъ тщеславія? Развѣ Карлу не снилось, что я достигну первыхъ почестей духовныхъ? Развѣ вы завидуете моему счастію и изъ

зависти хотите воспротивиться моему намѣренію?

— »Нѣтъ, мы до этого не допустимъ васъ!

— »Надобно будетъ согласиться, отвѣчалъ онъ хладнокровно, дѣло сдѣлано.

»Мы оба вскрикнули, пораженные горестію и удивленіемъ. Да, продолжалъ онъ съ спокойнымъ духомъ, я произнесъ обѣтъ.

— »Давно ли?

— »Тому нѣсколько дней! Я предвидѣлъ, какъ мнѣ трудно было бы противостать вашимъ просьбамъ, и я заранѣе вооружился противъ слабости своихъ чувствъ. Не жалѣйте обо мнѣ, друзья мои; я теперь доволенъ, счастливъ!

»И дѣйствительно, съ этого дня, казалось, безпокойство, тревожившее душу его, смѣнилось тишиною; веселіе выража-

лось на лицѣ и улыбка появилась на устахъ его; онъ оказывалъ намъ болѣе привязанности, дружба его казалась намъ пылче и откровеннѣе. Оставивъ свѣтскій міръ, онъ только нами дышалъ, для насъ жилъ, и всѣ минуты, которыхъ не раздѣлялъ съ нами, посвящалъ Богу и наукамъ. Я осмѣлилась испрашивать у дяди для Теобальда мѣсто Священника замка, съ значительнымъ содержаніемъ, и Герцогъ мнѣ не отказалъ. Ободренная этимъ первымъ успѣхомъ, я стала просить для Карла мѣсто секретаря, которое Теобальдъ не могъ болѣе занимать; мой дядя, не сдѣлавъ ни малѣйшаго возраженія, безпрекословно согласился и на это. Я не могла довольно тому надивиться и готова была увѣриться, что наконецъ преклонныя лѣта перемѣнили его характеръ.

— »Въ мою очередь, сказалъ онъ мнѣ, и я тебя попрошу кое-о-чемъ.

— »Обо всемъ, что вамъ угодно, вскричала я; я уже впередъ соглашаюсь!

— »Хорошо, сказалъ онъ, поцѣловавъ меня въ лобъ, милость, которой онъ мнѣ никогда не оказывалъ; не забудь своего слова, чрезъ нѣсколько недѣль я его тебѣ напомню.

»И дѣйствительно, однажды утромъ онъ велѣлъ меня призвать въ свою комнату. Повинуясь приказанію, не знаю отъ чего, я чувствовала, что у меня сердце забилось, колѣна дрожали, и я до входа моего, должна была на минуту остановиться. Когда я вошла, мой дядя сидѣлъ и читалъ; онъ положилъ книгу на столъ, снялъ очки и сказалъ: — »Послушай племянница, ты весьма пригожа и очень хорошо воспитана; у тебя есть дарованія, и можетъ быть болѣе, нежели сколько нужно роду Аркоссовъ, но уже зла нельзя исправить.

Къ тому же тебѣ минуло восемнадцать лѣтъ, всѣ вельможи въ окружности просятъ у меня твоей руки.

— »Ахъ, я и не думаю выходить замужъ, вскричала я.

»Мой дядя посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и продолжалъ хладнокровно: »Я тебя призвалъ не для того, чтобъ спрашивать совѣта, но чтобъ предупредить тебя, что я обѣщалъ твою руку одному изъ нашихъ сосѣдей.

»Это такъ поразило меня, что я едва держалась на ногахъ. Дядя мой указалъ мнѣ на кресла, и съ спокойнымъ духомъ продолжалъ: — Я избралъ самаго богатаго и самаго знатнаго жениха, сына Графа Пополи. Онъ завтра къ намъ будетъ, приготовься его принять. — Я хотѣла говорить, умолять его, но дядя мой, не показывая и виду, что станетъ меня слушать,

взялъ очки, разкрылъ свою книгу и подалъ мнѣ знакъ рукою удалиться. Изсохшая рука его протянутая ко мнѣ, какъ бы обворожила меня и заняла дыханіе.... Не сказавъ ни слова, я повиновалась этой волшебной власти, вышла и бросилась въ свою комнату, гдѣ залилась слезами. Какая причина была этихъ слезъ? Отъ чего пришла я въ отчаяніе? въ этомъ не могла я никогда отдать себѣ отчета. Но не видавъ этого жениха, не зная кто онъ, я была готова умереть. Никогда не представляла я себѣ такого несчастія, которое лишало меня силъ и всей твердости духа. Мои друзья одни только могли меня ободрить и я побѣжала къ нимъ. »Друзья мои, говорила я рыдая, посовѣтуйте мнѣ, спасите меня, меня хотятъ выдать за мужъ. Теобальдъ затрепеталъ, потомъ поднялъ къ небу глаза, въ которыхъ я увидѣла слезу. Карлъ же сдѣлался блѣденъ, какъ

смерть, но мнѣ ничего не отвѣчалъ. Я думала, что онъ меня не слышалъ. — Меня хотятъ выдать за мужъ, повторила я ему! отвѣчайте мнѣ! скажите мнѣ, что вы совѣтуете мнѣ дѣлать?

— »Такъ вы не согласны? вскричалъ онъ съ радостію.

— »Скорѣе умру!

»Онъ хотѣлъ мнѣ отвѣчать, но не находилъ словъ. . . . Въ безмолвіи схвативъ руками голову, онъ старался собраться съ мыслями и потомъ сказалъ:

— »Если такова воля вашего дяди, то никакія убѣжденія, ни слезы, ни просьбы не въ состояніи его преклонить.

»Теобальдъ и я чувствовали, что онъ говоритъ правду, и молчали. Карлъ продолжалъ:

— »Я не сталъ бы даже стараться перемѣнить его мысли, это было бы безполезно.

— »Что-же бы вы стали дѣлать?

— »Я бы обратился къ высшей власти. Я бы оставилъ замокъ и удалился въ монастырь Благочестія, гдѣ находится ваша младшая сестрица Синьора Изабелла.

— »Онъ правду говоритъ! вскричала я; отправимся туда.

— Какъ вы не благоразумны, возразилъ Теобальдъ, остановивъ меня; развѣ вы думаете, что Игуменья монастыря Благочестія согласится васъ принять или оставить васъ противъ воли вашего дяди? Онъ скажетъ слово, и всѣ монастыри запрутся; ни одинъ не осмѣлится пренебречь его гнѣвомъ, ниже воспротивиться его справедливымъ требованіямъ.... Да кромѣ того....

онъ имѣетъ свои права.... вы его племянница.... онъ васъ воспитывалъ.

»Я не находила отвѣта и Карлъ также. Онъ наклонилъ голову и сказалъ хладнокровно:

— »И такъ остается только одно средство, и я одинъ подвергнусь опасности.

— »А какое это средство?

— »Вы узнаете чрезъ нѣсколько дней.

»Не взирая на всѣ наши неотступныя просьбы, онъ намъ ничего не сказалъ.

»На другой день раздался бичъ почталіона и во дворъ замка въѣхала прекрасная карета, предшествуемая и сопровождаемая конюшими и егерями. Дядя мой, окруженный всею прислугою, вышелъ на встрѣчу молодаго гостя, котораго обнялъ и проводилъ въ залъ. По-

томъ велѣлъ мнѣ сказать, что меня ожидаютъ. Я думала, что не въ состояніи буду сойти изъ своей комнаты по большой каменной лѣстницѣ въ пріемный залъ. Я принуждена была два раза опереться на перила.... Наконецъ, собравшись съ силами, я вошла съ потупленными глазами, едва держась на ногахъ. Дядя мой подошелъ и представилъ мнѣ Графа Пополи, который уже съ годъ наслѣдовалъ своему отцу, богатѣйшему вельможѣ нашей страны. О! Великій Боже! какъ была я поражена, увидѣвъ въ немъ того грубаго и свирѣпаго Одоарда, который два года предъ тѣмъ, въ этомъ самомъ залѣ, меня такъ жестоко оскорбилъ, который съ такою низостію ранилъ человѣка беззащитнаго и безъ оружія.

»Графъ Пополи почтительно поклонился мнѣ, потомъ обратился къ моему

дядѣ, который, продолжая свой разговоръ, сказалъ хладнокровно:

— » И такъ, чрезъ двѣ недѣли, въ церкви замка, мой священникъ васъ обвѣнчаетъ.

»Графъ отвѣчалъ поклономъ.

»Въ негодованіи на такое самовластіе и тиранство, и видя, что при такой безжалостной волѣ, счастіе мое считаютъ за ничто, я почувствовала рѣшимость, мнѣ до того неизвѣстную, и клялась, что никогда не буду женою Графа Пополи.

»Карлъ, съ своей стороны, молчалъ, былъ спокоенъ и, казалось совершенно положился на средство имъ придуманное, о которомъ онъ однакожъ ничего не говорилъ. Нѣсколько дней спустя вся надежда его оставила, и углубленный въ печальныя размышленія, терзаемый мрач-

нымъ отчаяніемъ, онъ произнесъ: » Все кончено, я не могу васъ спасти, не могу даже жертвовать жизнію для своей благодѣтельницы. Я видѣлся съ этимъ Графомъ Пополи, и не говоря объ васъ, не подвергая васъ нареканію, напомнилъ ему оскорбленіе, которое я нанесъ ему за два года, предложилъ справедливѣйшее удовлетвореніе и требовалъ его. Я думалъ, что онъ его приметъ; потому что говорятъ онъ храбръ; и тогда бы я или сразилъ его, или палъ бы самъ отъ его руки, и тѣмъ отклонилъ бы ваше несчастіе или бы не былъ тому свидѣтелемъ. Вотъ все, что могъ для васъ сдѣлать бѣдный Карлъ. Но онъ мнѣ съ гордостію отказалъ, спрашивая кто я такой?... Кто я такой Синьора!... Какой вопросъ! тогда какъ дѣло идетъ о смерти!... Я подумалъ, и мнѣ кажется, онъ правъ; что я неизвѣстный сирота, можетъ быть сынъ неза-

конный, недостойный пасть отъ руки знатнаго вельможи!... отъ руки Графа Пополи. Кажется, что желаніе этой чести есть уже преступленіе, потому что вашъ дядя изгоняетъ меня.

— »Тебя, Карлъ?

— »Да, меня, чрезъ недѣлю, наканунѣ вашей свадьбы....

»Въ эту минуту вошелъ Теобальдъ; и мы въ слезахъ бросились въ его объятія....

— »Такъ, говорилъ онъ намъ, смѣшавъ свои слезы съ нашими.... такъ, вы очень несчастливы, и съ чувствомъ живѣйшаго участія, старался намъ подать надежду, которой самъ не имѣлъ, присовокупляя къ утѣшеніямъ дружбы упованіе на Бога.

»Въ продолженіи двухъ дней Теобальдъ употреблялъ всѣ увѣщанія, дабы умѣрить отчаяніе Карла, который, терзаемый гнѣ-

вомъ, не хотѣлъ ничего слышать. Наконецъ бѣшенство его уменьшилось и вдругъ изчезло; но мрачный и углубленный въ мысли, онъ не говорилъ ни слова ни Теобальду, ни мнѣ.... Казалось, онъ былъ занятъ какимъ то пагубнымъ намѣреніемъ, которому совершенно предавшись, забывалъ даже друзей своихъ. Между тѣмъ дни проходили и насталъ послѣдній день предъ вѣнчаніемъ.

»Теобальдъ внезапно предсталъ предо мною, блѣдный съ разстроенными чертами лица.

— »Жуанита; сказалъ онъ мнѣ, надобно спасти Карла; спасти его душу. Сего утра пришелъ онъ ко мнѣ, не какъ къ другу, а какъ къ священнослужителю, и просилъ меня его благословить и разрѣшить отъ грѣховъ, я ему въ томъ отказалъ, потому что онъ готовится сдѣлать преступленіе.

— »Онъ! вскричала я.

— »Да, онъ.... преступленіе, которое влечетъ за собою вѣчное осужденіе. Не проклинайте его, Синьора, не обременяйте его вашимъ гнѣвомъ.... сего же дня онъ хочетъ лишить себя жизни!

»Я вскрикнула и почувствовала сама, что смертный холодъ пролился въ моихъ жилахъ.

— »Лишить себя жизни! вскричала я; и за чѣмъ?

— »За чѣмъ? возразилъ Теобальдъ, сжимая мои руки въ охладѣвшихъ рукахъ своихъ.... не знаю, какъ вамъ это сказать.... Однако-жъ время не терпитъ, надобно вамъ объявить, все сказать....

»При этихъ словахъ холодный потъ покрылъ его чело!...

— »Говорите! говорите!

— »И такъ, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ и сбираясь съ мыслями, мнѣ одному онъ ввѣрилъ тайну, которую вы никогда не должны были узнать.... Онъ васъ любитъ до безумія! онъ васъ обожаетъ! вотъ почему онъ хочетъ погубить свою душу! вотъ почему онъ будетъ проклятъ!

— »Ахъ! вскричала я, и я буду проклята! у меня была таже мысль.

— »Жуанита! вы хотите умереть!

» Потомъ съ потупленными очами и не смѣя на меня возвесть взоръ, онъ продолжалъ трепещущимъ голосомъ:

— »И вы его любите?

» Я не отвѣчала, но бросилась къ его ногамъ. Теобальдъ вскрикнулъ и нѣсколько времени молчалъ, потомъ обративъ на меня взоръ исполненный добродушія, сказалъ:

— »Дочь моя, (въ первый разъ онъ такъ наименовалъ меня по праву своего сана) о если бы я могъ удалить отъ васъ и обратить на себя тѣ горести, которыя вы оба себѣ готовите. По крайней мѣрѣ обѣщайте мнѣ изгнать мысль о смерти, мысль преступную, которая затворитъ вамъ врата къ небесамъ, гдѣ я хочу нѣкогда соединиться съ вами!

— »На что же мнѣ рѣшиться?

— »Есть средство, отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, если вы любите Карла и въ состояніи для него пренебречь гнѣвомъ вашего дяди, пренебречь осужденіемъ свѣта, горестями, можетъ быть, нищетою!

— »Я на все рѣшаюсь.

— »И такъ, можетъ быть, я худо дѣлаю, давая вамъ совѣтъ.... но вы хотѣли себя лишить жизни.... душа ваша въ опасности....

»Тутъ онъ остановился, какъ бы страшась совѣта, который намѣревался намъ предложить.

— »И такъ Богъ скорѣе проститъ ошибку, нежели преступленіе.... вручите руку вашу Карлу предъ олтаремъ....

— »Кто же осмѣлится подвергнуть себя мщенію моего дяди и моей фамиліи? Кто осмѣлится насъ соединить?

— »Я! сказалъ онъ.

»Я не нашла словъ, чтобъ излить предъ нимъ всю мою признательность и бросилась въ его объятія.

— »Чему вы такъ удивляетесь? продолжалъ онъ, не я ли вамъ говорилъ за нѣсколько лѣтъ, что я бѣдный, незначущій, буду вашимъ покровителемъ.

»Нельзя было терять времени. На другой день въ двѣнадцать часовъ, назначено

мнѣ было идти къ вѣнцу съ Графомъ Пополи; и мы уговорились, что въ тотъ же вечеръ въ полночь Карлъ и я сойдемся въ церкви замка; Теобальдъ насъ обвѣнчаетъ, и по совершеніи обряда, мы всѣ трое подвергнемъ себя гнѣву Герцога Аркосскаго, который можетъ насъ тогда заключить, изгнать, лишить наслѣдства, но не разлучить!

»Послѣ обѣда мы всѣ находились въ залѣ, изъ котораго чрезъ стеклянную дверь былъ видѣнъ паркъ; Графъ Пополи, сидѣвшій подлѣ меня, былъ столько учтивъ, сколько его охотничьи привычки позволяли ему. Карлъ вошелъ и я догадалась по виду его, выражавшему радость и счастіе, что Теобальдъ его предупредилъ. Онъ пришелъ проститься съ моимъ дядею: на другой день онъ долженъ былъ отправиться. Проходя мимо Графа, онъ съ холодностію поклонился ему; подошедъ ко

мнѣ для прощанія, онъ взялъ мою руку и съ почтительностію поднесъ къ своимъ устамъ; я ему сказала тихимъ голосомъ:

— »До вечера, въ полночь....

— »Въ полночь! отвѣчалъ онъ сжимая мою руку и обративъ на меня взоры, исполненные любви и признательности.

»Въ эту минуту его увѣдомили, что человѣкъ скудно одѣтый желаетъ съ нимъ поговорить и ожидаетъ его въ паркѣ.

»Нѣсколько минутъ спустя я увидѣла ихъ обоихъ изъ окна залы идущихъ въ отдаленную алею. Я не могла различить черты лица незнакомца, но наружность его возбудила во мнѣ нѣкоторыя неопредѣленныя воспоминанія. Оба разговаривали съ жаромъ и по тѣлодвиженіямъ и походкѣ Карла, я могла заключить, что онъ былъ въ великомъ безпокойствѣ и смятеніи. Это меня невольно тревожило,

тѣмъ болѣе, что онъ во весь вечеръ не возвращался въ залъ; но я мысленно утѣшалась, посматривая на часы, что скоро узнаю причину этого неожиданнаго посѣщенія. Наконецъ, къ великой моей радости, всѣ удалились въ свои комнаты. Возвратившись въ свою комнату, я стала молиться; и какъ скоро наступила полночь, отправилась въ церковь. Кто-то вошелъ до меня.

— »Ты ли это, Карлъ? спросила я.

— »Нѣтъ, дочь моя, отвѣчалъ дрожащій голосъ. . . . это былъ Теобальдъ.

»Тщетны были наши ожиданія, мы оставались одни во всю ночь, и когда уже первые лучи солнца стали озарять окна церкви, Карлъ еще не являлся.

»Прошелъ другой день, прошли и слѣдующіе; и мы Карла болѣе не видали.

III.

»Отлучка Карла, продолжала Графиня, столь таинственная и неожиданная оковала насъ страхомъ; не сдѣлался ли онъ жертвою обмана или измѣны? Не были ли наши намѣренія открыты? Ревность соперника не заплатила ли наемному убійцѣ? Мщеніе и сила Герцога Аркосскаго не лишили ли его свободы и ввергли въ одну изъ Государственныхъ темницъ? Мы терялись въ догадкахъ и тщетныхъ предположеніяхъ; всѣ розыски Теобальда оставались безплодными и не доставляли намъ

никакого извѣстія. Съ другой стороны ни Графъ Пополи, ни Герцогъ Аркосскій не имѣли никакого подозрѣнія, не показывали гнѣва къ Теобальду и не запрещали намъ видѣться; и хотя раздраженные нѣсколько моимъ упорствомъ, они приписывали его болѣе моему отвращенію къ браку, нежели какому другому чувству! Слезами и мольбами удалось мнѣ выпросить еще три мѣсяца свободы; я клялась что по истеченіи ихъ буду повиноваться.... Когда же пришелъ срокъ, не смотря ни на какія мольбы мои, я должна была покориться волѣ моего дяди, данной мною клятвѣ.... и увы! моей судьбѣ, которую никакая человѣческая власть не могла перемѣнить. Я совершенно разтерялась въ мысляхъ; сердце мое было разтерзано, оставалась моя рука — и Герцогъ Аркосскій отдалъ ее! Я сдѣлалась Графинею Пополи!

» Какъ бы насытясь послѣднимъ долгомъ своего тиранства, сдѣлавшимъ меня навсегда несчастною, и какъ бы ожидая только этой минуты, чтобы оставить землю, дядя мой умеръ въ первый годъ моего замужства, оставивъ намъ всѣ свои богатства. Въ судьбѣ моей не произошло никакой перемѣны. Я не имѣла ни малѣйшаго извѣстія о Карлѣ: если онъ содержался, какъ мы думали, въ какой либо темницѣ по волѣ Герцога Аркосскаго; то смерть его должна была возвратить ему свободу. Но онъ не являлся къ намъ и Теобальдъ съ отчаяніемъ говорилъ мнѣ:

— » Все кончено, нѣтъ болѣе друга у насъ.

» И мы оплакали его, носили по немъ трауръ, и въ той алеѣ парка, гдѣ мы трое нѣкогда собирались — поставили надгробный камень, который таинственно, какъ

его судьба, не означался ни словомъ, ни подписью, и къ этой гробницѣ, лишенной и остатковъ его, но оживленной нашими воспоминаніями, собирались мы каждый вечеръ говорить о немъ, молиться за него и ждать дня, который бы соединилъ насъ съ нимъ.

»Три года провела я такимъ образомъ съ супругомъ, котораго характеръ былъ грубъ и вспыльчивъ, хотя въ сердцѣ своемъ онъ не былъ такъ золъ, какъ я прежде думала. Всѣ его недостатки происходили отъ его воспитанія, или лучше сказать отъ того, что онъ его вовсе не получилъ. Его самолюбіе, гордость происходили отъ совершеннаго невѣжества; и когда удивительною ловкостію и терпѣніемъ удалось наконецъ Теобальду, дать ему почувствовать, что онъ ровно ничего не знаетъ и не имѣетъ ни о чемъ понятія,

онъ сталъ довѣрять намъ болѣе, нежели самому себѣ. Съ своей стороны, я старалась умѣрить его дикій и вспыльчивый характеръ; но моя кротость не всегда обезоруживала его. Сосѣди наши, свидѣтели сценъ насилія, которымъ онъ предавался, сожалѣли обо мнѣ, сострадали тому, что меня весьма мало безпокоило. Они удивлялись моему самоотверженію, а оно было только равнодушіе! Я была столько несчастлива, что домашнее горе не могло меня трогать.

» Теобальдъ съ каждымъ днемъ дѣлался грустнѣе. Видъ замка былъ ему несносенъ, воздухъ, которымъ дышалъ онъ, разстроивалъ его здоровье, и если бы онъ не видѣлъ меня столь же страждующею, то давно бы уѣхалъ изъ замка. Мрачный и молчаливый, онъ убѣгалъ всякаго разсѣянія, даже занятій; предавшись совершенно

религіи, онъ дни и ночи проводилъ у подножія олтарей. Во всемъ округѣ считали его святымъ, самъ мужъ мой уважалъ эту высокую добродѣтель, возвышавшую его надъ нами, о которой я одна соболѣзновала, потому что почти теряла друга. Тогда онъ возвращался ко мнѣ, тогда строгія черты лица его, изсохшіе глаза находили снова и улыбку и слезы. Для меня одной любилъ онъ еще землю!

» Нѣсколько мѣсяцевъ Графъ Пополи, посѣщая сосѣднихъ дворянъ, или принимая ихъ у себя, имѣлъ съ ними тайныя совѣщанія. Наконецъ, къ моему удивленію, мнѣ показалось, что не одна охота занимала ихъ. Часто давалъ онъ мнѣ писать, или переводить письма къ разнымъ вельможамъ Германіи, письма по видимому незначительныя, но скрывавшія тайный смыслъ, который я и не старалась отгадывать.

Легко можно было видѣть, что Графъ Пополи былъ чѣмъ то занятъ; не смотря на его усилія быть веселымъ, часто морщины показывались на челѣ его, брови хмурились и, совершенно противъ его обыкновенія, онъ похожъ былъ на человѣка, который углубляется въ свои мысли. Я замѣтила это Теобальду, но онъ не хотѣлъ вѣрить.

Однажды вечеръ вошелъ онъ ко мнѣ въ сильномъ волненіи.

— »Жуанита, сказалъ онъ мнѣ, здѣсь происходятъ необыкновенныя вещи. Въ подземельяхъ замка сдѣланы огромные запасы оружія.

— »Охотничьяго? спросила я.

— »Нѣтъ оно имѣетъ другое назначеніе; сего дня вечеромъ, возвращаясь изъ деревни, куда ходилъ я съ Св. дарами къ

одному больному, я былъ остановленъ человѣкомъ, завернувшимся въ плащь, который тихимъ голосомъ сказалъ мнѣ: »Святый отецъ, эту же ночь оставьте замокъ вмѣстѣ съ Графинею; дѣло идетъ о свободѣ и жизни ея; завтра уже будетъ поздно.« Сказавъ это, онъ поспѣшно удалился.

— »Вѣрно кто нибудь хотѣлъ испугать васъ.

— »Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, дѣлая крестное знаменіе; мнѣ казалось, что я слышу голосъ моего любезнаго Карла, который возвратился, чтобы спасти васъ.

— »Карла? вскричала я дрожа; это невозможно.

— »Да, я тоже подумалъ; однако сердце мое билось, какъ будто бы это былъ онъ. И когда, пожавъ мнѣ руку, онъ сталъ удаляться, я закричалъ: Карлъ! Карлъ! Онъ остановился, казалось не зналъ, на

что рѣшиться; я думалъ уже, что онъ бросится въ мои объятія, но услышалъ одинъ болѣзненный вопль—и вскорѣ онъ изчезъ изъ виду.

»Не могу вамъ пересказать, какъ смутилъ меня этотъ разсказъ. Но оставить въ ту же ночь замокъ, гдѣ мы были въ безопасности, гдѣ многочисленная прислуга могла защитить насъ—мнѣ казалось столь безразсуднымъ, что все заставляло сомнѣваться въ остальномъ. Однако, что бы не упрекать себѣ, я послала за моимъ мужемъ. Било полночь, а его не было дома. Я приказала увѣдомить меня, когда онъ пріѣдетъ; но прошла ночь, а онъ не возвращался. Это меня стало безпокоить; едва начался день, какъ я рѣшилась послать его отыскивать. Но у дверей замка стояли уже Испанскіе солдаты. Офицеръ явился ко мнѣ и съ почтеніемъ сказалъ:

— »Я пріѣхалъ исполнить весьма тяжкій долгъ; я имѣю приказаніе арестовать васъ.

— »Меня? милостивый государь.

— »Такъ, васъ, Графиню Пополи.

— »А по какому праву?

— »Именемъ Короля.

»Надо было повиноваться, и я сѣла въ карету, которая ждала насъ. Мы пріѣхали въ новый замокъ, гдѣ меня заключили. Графъ Пополи равнымъ образомъ былъ задержанъ у одного изъ сосѣднихъ дворянъ, его соумышленника. Преступленіе его, о которомъ я послѣ узнала, состояло въ слѣдующемъ:

»Графъ Пополи, владѣтель огромнаго имѣнія, увеличившагося наслѣдствомъ послѣ Герцога Аркосскаго, моего дяди, вообразилъ, что его имя и богатство да-

вали ему право принять участіе въ правленіи. Ему не приходило на умъ, что способности могли также что нибудь значить; онъ былъ раздраженъ тѣмъ невниманіемъ, которое оказывали ему при Дворѣ Испанскомъ. Онъ мечталъ о Вице-Королевствѣ Неаполитанскомъ, а долженъ былъ ограничиваться своими владѣніями; онъ считалъ себя нужнѣйшимъ человѣкомъ, а о немъ никто и не думалъ. Тогда, внимая только своей гордости и оскорбленному самолюбію, онъ рѣшился сдѣлаться страшнымъ для тѣхъ, кто презиралъ его; задумавъ освободить Царство Неаполитанское, стенавшее подъ игомъ Испаніи. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ окружныхъ дворянъ, и считалъ себя главою ихъ, бывъ только ихъ орудіемъ; потому что въ случаѣ успѣха они воспользовались бы всѣми плодами заговора; при неудачѣ же вся опасность падала на Графа Пополи.

» Какъ бы то ни было, заговоръ былъ очевиденъ, улики многочисленны, судьи единогласны!... Но общественное мнѣніе выражалось столь сомнительно объ умѣ и способностяхъ Графа Пополи, что нельзя было и подумать, чтобы въ головѣ его могло родиться такое предпріятіе, и всю честь его приписали мнѣ. Мои совѣты, говорили всѣ, мое вліяніе увлекли его въ заговоръ, душей котораго и главою была я. Сознаюсь, что письма, мною писанныя и перехваченныя, — были достаточнымъ доказательствомъ для судей. Вы знаете конецъ этого процесса, который надѣлалъ столько шуму въ Италіи и Испаніи. Вамъ извѣстно, что мы были осуждены на смерть, но вотъ, чего вы не знаете.

» Судьи наши, тронутые моею молодостію, искали у Двора Мадритскаго помилованія; но оно сдѣлалось невозможнымъ, потому что народъ Неаполитанской смотрѣлъ

на насъ какъ на героевъ, хотѣлъ выломить двери нашей темницы и произвелъ возмущеніе, рѣшившее нашу погибель. Исполненіе приговора назначено было въ день Св. Януарія; накапунѣ просила я двухъ милостей и они были мнѣ дарованы. Мнѣ позволили видѣть и обнять тебя младшую сестру мою, за годъ предъ симъ взятую мною изъ монастыря, куда должна была ты опять возвратиться, и выбрать себѣ духовника. Мнѣ сказали что у дверей темницы находится Священникъ, который настоятельно требуетъ чтобы, его впустили. Кто же могъ быть этотъ Священникъ, какъ не Теобальдъ?... Это былъ онъ.

»Съ лицемъ, блиставшимъ радостно вошелъ онъ ко мнѣ; и я, понимая святую радость его, бросилась къ нему, говоря:

— »Другъ мой! отецъ мой! наконецъ настал день освобожденія; я его увижу.

— »Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ мнѣ съ печальною улыбкою.

»Потомъ обратясь къ вошедшему смотрителю тюрьмы, отдалъ ему письмо, которое тотъ бѣгло прочелъ, и пораженный удивленіемъ, уронилъ на столъ, подлѣ котораго я сидѣла. Я взглянула и содрогнулась при видѣ слишкомъ знакомаго мнѣ почерка. Письмо заключало въ себѣ только слѣдующее:

»Ваше Величество обѣщали мнѣ вчера »все, чего бы я ни попросилъ у Васъ; я »прошу помилованія Графинѣ Пополи и »ея супругу.«

Подписано: Карлъ Броски.

»Ниже Королевскою рукою было на»писано: согласенъ.«

Подписано: Фердинандъ.

»Двери темницы отворились и мы были свободны, но изгнаны на вѣчно изъ Неа-

политанскаго Королевства. Все имѣніе наше было конфисковано и въ двадцать четыре часа мы должны были выѣхать. Графъ занялся нашимъ отъѣздомъ; а я, съ сердцемъ трепещущимъ отъ радости, страха и удивленія, заперлась съ Теобальдомъ.

— »Онъ живъ! вскричала я, онъ живъ!

— »Да, Синьора, я его видѣлъ, обнималъ.... онъ самъ принесъ это письмо и никогда не переставалъ заботиться о судьбѣ вашей.

— »Что же съ нимъ сдѣлалось? зачѣмъ оставилъ онъ насъ? Къ чему это мертвое молчаніе о судьбѣ своей?

— »Жуанита, сказалъ онъ въ смущеніи, взявъ меня за руки, не спрашивайте у меня этого, не спрашивайте ничего у меня; я не могу отвѣчать вамъ.

— »Такъ вы знаете его тайну?

— »Онъ открылъ ее не мнѣ, своему другу, но Священнику, служителю Бога... и подъ ненарушимымъ закономъ исповѣди.

— »Одно слово, любитъ ли онъ еще меня?

— »Болѣе, нежели когда либо.

— »Свободенъ ли онъ?

— »Какъ всегда; онъ не любилъ, не будетъ любить ни кого, кромѣ васъ. Вотъ, отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ, чего бы мнѣ не должно было говорить вамъ.... Но вы поймете, что для его счастія и для вашего.... вамъ не должно видѣться..... Я ему поставилъ это закономъ.... Онъ поклялся, и мнѣ пріятно думать, что сдержитъ свое слово.

— »Вы правы, это необходимо.

»И противъ воли я плакала; ужасная неизвѣстность раздирала сердце мое.

— »Въ ту ночь, спросила я его, когда вы должны были соединить насъ, не насиліе ли заставило его бѣжать отъ насъ?

— »Нѣтъ, онъ удалился самъ собою, побуждаемый только честію и долгомъ.

— »Еще одинъ вопросъ, Теобальдъ; на его мѣстѣ, такъ ли бы вы поступили?

— »Такъ, Синьора.

— »И такъ вы оправдываете его поведеніе тогдашнее и настоящее, и его молчаніе и его отсутствіе и даже таинственность, которою онъ окружаетъ себя?

— »Да, отвѣчалъ онъ голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ, я оправдываю.

— »О теперь я спокойна, вскричала я, простирая къ нему руки; какъ онъ, Теобальдъ, я буду достойна васъ, какъ онъ, я останусь вѣрна чести и долгу.

» Графъ Пополи возвратился; корабль былъ готовъ; нужно было отправиться; начинались дни моей ссылки. И такъ, прости мое отечество! вскричала я, рыдая, прости прекрасное небо Неаполя! прости все, что я любила! И корабль уносилъ изгнанныхъ, изгнанныхъ навсегда!... Это слово звучало въ ушахъ моихъ громче шума волнъ и крика матросовъ; вдали на берегу стоялъ Теобальдъ и въ знакъ прощанія махалъ бѣлымъ платкомъ, который изчезъ въ сумракѣ вечера. Долго еще старалась я разглядѣть его; и когда его не стало видно, мнѣ казалось, что я одна осталась на землѣ.

» Легко можно найти мужество къ перенесенію несчастія съ тѣми кого любишь. Но подвергаться ударамъ судьбы вмѣстѣ съ равнодушными, сносить несчастія съ людьми, которыхъ не любишь;

вотъ два наказанія, изъ которыхъ первое, можетъ быть, еще не самое жестокое. Мнѣ много приходилось терпѣть отъ жалобъ, неудовольствій и даже упрековъ Графа Пополи; онъ меня упрекалъ всѣмъ.... даже нищетою, которой не знала я, и которой мы вскорѣ подверглись.

»Мы искали убѣжища въ Англіи и прибыли туда безъ писемъ, безъ средствъ, безъ денегъ; и вообразите мой ужасъ, когда въ гостинницѣ, гдѣ мы съ недѣлю прожили, потребовали платежа за постой, и оставшихся при мнѣ перстней и драгоцѣнностей не достало на уплату всего долга. Мы подвергались постыдному изгнанію изъ дома.... Въ это время, когда будущее являлось намъ безъ хлѣба и пріюта, Графъ Пополи, не знаю какимъ образомъ—ибо никто на свѣтѣ не могъ знать нашего прибытія и мѣстопребыванія въ

Англіи — получилъ изъ Лондона пакетъ и письмо, въ которомъ старый должникъ Герцога Аркосскаго, дяди моего, прислалъ племянницѣ его десять тысячь фунтовъ стерлинговъ.

»Графъ почиталъ эти деньги упавшими съ неба; а я, имѣя одного только друга на свѣтѣ, безъ труда отгадала, даже въ выраженіяхъ письма, того, кто подъ видомъ признательности скрывалъ свои благодѣянія.

»Мы не хотѣли основаться въ городахъ и рѣшились жить въ деревнѣ, тѣмъ болѣе что разстроенное здоровье мое требовало этого. Графъ поручилъ пріискать намъ скромное и приличное жилище. Вскорѣ представился прекрасный случай: продавалась прелестная дача, въ окрестностяхъ Лондона, устроенная какъ я только могла желать, меблированная со вкусомъ и ще-

голеватостію, обогащенная водою и чудеснымъ паркомъ, и все это за весьма умѣренную цѣну. Ее продавалъ одинъ Лордъ, отправлявшійся путешествовать; и дѣло тотчасъ же устроилось. Мужъ мой былъ въ восторгѣ отъ прекраснаго дома, на который я смотрѣла сперва съ равнодушіемъ, но вскорѣ съ восхищеніемъ, найдя въ немъ для себя кабинетъ, меблированный и расположенный точно такъ, какъ моя комната въ замкѣ Герцога Аркосскаго. Тамъ были тоже фортепіано, тѣже любимыя сочиненія на столѣ моемъ и книги, купленныя и собранныя щедрою и внимательною рукою, съ тѣмъ, чтобы возвратить, въ изгнаніи моемъ, воспоминанія о моемъ быломъ счастіи и потерянномъ отечествѣ. Благодарю тебя, Карлъ, сказала я тихимъ голосомъ.

» Нѣсколько недѣль прошло въ сладкой для меня тишинѣ и спокойствіи, — но не-

сносныхъ для моего мужа, сожалѣвшаго о своихъ лѣсахъ и охотѣ. Ему свойственнѣе была жизнь дѣятельная; онъ былъ храбръ, надобно отдать ему справедливость; и будучи изгнанъ навсегда изъ отечества, рѣшился искать службы въ Англіи. Онъ подалъ прошеніе Министрамъ Георга II-го; но ему отказали; тогда совѣтовали мнѣ обратиться къ самой Королевѣ. Я поѣхала во дворецъ; и Ея Величество, принявъ меня съ величайшею благосклонностію, изъявила свое сожалѣніе, что не можетъ поручить должности иностранцу, удаленному отъ Двора Мадритскаго. Этимъ бы мы подвергли себя, говорила она, справедливому неудовольствію Испаніи и ея посланника.

»Въ это время доложили о приходѣ Короля; и Георгъ II-й вошелъ, опираясь на руку молодаго вельможи, весьма пріятной

наружности и пышно одѣтаго. Я едва могда удержать крикъ удивленія, узнавъ въ немъ Карла. Увидѣвъ меня, онъ поблѣднѣлъ и прислонился къ кресламъ; Королева протянула къ нему руку и съ добротою сказала:

— » Садитесь, Карлъ!

» Онъ почтительно поклонился и остался стоять. Между тѣмъ продолжалъ смотрѣть на меня, не произнося ни одного слова. Я откланялась Ихъ Величествамъ и возвратилась домой въ неизъяснимомъ волненіи. Въ то время, когда я разсказывала Графу, нетерпѣливо ждавшему меня, о неудачѣ моего предпріятія, о малой надеждѣ, которая оставалась намъ, въѣхала на дворъ карета. Двери отворились и я увидѣла Карла. Да, это былъ онъ самъ, у меня, предъ моимъ мужемъ, стоялъ спокойно и съ увѣренностію.

— » Милостивый государь, сказалъ онъ Графу Пополи, я всѣмъ обязанъ благодѣяніямъ Герцога Аркосскаго и его племянницы; мое единственное всегдашнее желаніе было имѣть возможность, когда либо возблагодарить имъ за то. Благопріятныя обстоятельства пріобрѣли мнѣ нѣкоторыхъ друзей при Дворѣ и въ Министерствѣ; ихъ заставилъ я дѣйствовать въ вашу пользу и вамъ поручаютъ почетную должность въ Англійской арміи; потому что храбрые равны во всѣхъ государствахъ, сказалъ Король подписывая указъ; и я почитаю себя счастливымъ, принося этотъ указъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прошу у васъ извиненія въ нѣкоторыхъ проступкахъ моей молодости, и прошу васъ забыть о нихъ.

» Въ его голосѣ было столько благородства и откровенности, что Графъ не

могъ скрыть своихъ чувствъ, и простирая къ нему руку, вскричалъ:

— »Это я, милостивый государь, я одинъ виноватъ. Вашу руку.... и вашу дружбу; съ этихъ поръ вы пользуетесь моею.

»Карлъ сталъ посѣщать насъ.—Я клялся Теобальду, сказалъ онъ мнѣ, никогда не говорить вамъ о любви моей, и сдержу свое слово. Но я клялся также пещись о васъ, покровительствовать вамъ, посвятить вамъ всю жизнь мою; я имѣю на это право и пользуюсь имъ. Я вашъ другъ, братъ.... который не требуетъ отъ васъ ничего, какъ только васъ видѣть, васъ обожать; не видѣть васъ мнѣ не возможно, я испытывалъ себя и отказываюсь; это значило бы умереть.

»И точно, почти каждый день приходилъ къ намъ Карлъ; и вѣрный начертан-

ному плану, онъ выбиралъ всегда время, когда мужъ мой былъ дома; и никто кромѣ меня, не могъ отгадывать того, что происходило въ его сердцѣ. Ни слова, ни взгляда любви; но по внутренней борьбѣ, проявлявшейся во всемъ, въ глазахъ любящаго человѣка, въ измѣненіи лица, и въ тайной лихорадкѣ, которая пожирала его, я видѣла, я понимала его мученія. Конечно они были велики, но мужество его брало верхъ по нѣкоторымъ исторгшимся у него словамъ; потому, что говорилъ мнѣ Теобальдъ, я поняла, что въ ту минуту, когда ему должно было соединиться со мною, какая то власть высшая и священная, удалила его отъ насъ.... И нынѣ онъ возвратился, онъ все еще любилъ меня и былъ свободенъ, а я была за другимъ, навсегда связана. Одинъ или два раза мы оставались на единѣ; тогда онъ терялъ все мужество; волненіе его было

столь велико, что онъ едва могъ говорить; а я, болѣе его смущенная и трепещущая, старалась склонить разговоръ на воспоминаніе о нашемъ дѣтствѣ и нашихъ юношескихъ лѣтахъ, потомъ, влекомая противъ воли тайнымъ любопытствомъ, всегда возвращалась къ эпохѣ нашей разлуки.

— »Этотъ человѣкъ, говорила я ему, этотъ незнакомецъ, который спрашивалъ васъ и такъ долго говорилъ съ вами, былъ ли онъ причиною вашего отъѣзда?

— »Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, для него и чрезъ него разсѣялось все мое счастіе.... я долженъ былъ бѣжать отъ васъ.... тогда.... въ скорби и отчаяніи я ни въ чемъ не находилъ утѣшенія и забвенія о моемъ злополучіи, какъ только въ занятіяхъ и трудахъ. Обширныя свѣденія, которыми я вамъ обязанъ.... открыли мнѣ дорогу, о

которой я прежде и не думалъ; ими пріобрѣлъ я состояніе,... состояніе честное, потому что вашъ другъ и другъ Теобальда никогда не переставалъ быть честнымъ человѣкомъ; безъ этого онъ не былъ бы теперь предъ вами.... Онъ не осмѣлился бы поднять глаза свои на ангела, котораго любитъ, обожаетъ.... Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ онъ понижая голосъ, котораго уважаетъ, почитаетъ, и который навсегда у него отнятъ.

» Сказавъ это, онъ закрылъ лице руками, чтобы скрыть свои слезы. Но мнѣ слышны были рыданія его.

— » Карлъ, говорила я ему съ нѣжностію, вы имѣете тайну, которая тяготитъ васъ.

— » Да, эта тайна убьетъ меня.

— » Вы думаете, продолжала я, что я

не въ состояніи понять той тайны, которую вы открыли Теобальду?

»Онъ затрепеталъ и со страхомъ посмотрѣлъ на меня.

— »Развѣ вы не знаете, продолжала я, что я вамъ столько же предана, какъ и Теобальдъ, что я столько же люблю васъ, какъ и онъ.... ахъ! тысячу разъ болѣе!... Вамъ должны были сказать, что я имѣю нѣсколько силы и мужество, что приближеніе смерти и видъ эшафота не заставили меня поблѣднѣть; и вы думаете что тайна, отъ которой зависитъ ваша судьба, не можетъ быть мнѣ повѣрена?

Теобальдъ хранитъ ее изъ любви къ Богу, я буду хранить изъ любви къ вамъ; и мечь палача не исторгнетъ ее у меня!

»Карлъ съ любовію и благодарностію смотрѣлъ на меня; лучь счастія блеснулъ въ глазахъ его; и я думала, что онъ усту-

нить просьбѣ моей, но онъ грустно отвѣчалъ мнѣ:

— »Не спрашивайте меня, Жуанита, объ этой тайнѣ.... если вы меня любите; открывъ вамъ тайну, я долженъ умереть; и въ тотъ день, когда вы узнаете ее, меня уже не будетъ въ живыхъ.

— »Въ то время вошелъ мужъ мой; и Карлъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, принялъ веселый видъ и продолжалъ живую и занимательную бесѣду, которая была ему такъ свойственна. Въ откровенности его поступковъ, въ прелести его разсказа было очарованіе, которому нельзя было противиться; при немъ всѣ дѣлались любезнѣе; онъ возбуждалъ умъ въ тѣхъ, кто его слушалъ. Самъ Графъ Пополи уступая неодолимому превосходству его, былъ увлеченъ, очарованъ и удивлялся, что находитъ удовольствіе не въ одной охотѣ.

За то въ тотъ день, когда Карлъ не приходилъ, онъ былъ сердитъ, бранилъ весь свѣтъ, начиная съ меня.

»Онъ хотѣлъ перейти въ полкъ, находившійся въ Ганноверѣ, и просьба его была тотчасъ же уважена; его хорошо приняли при Дворѣ и, казалось невидимая рука покровительствовала ему во всемъ. Всего удивительнѣе было то, что, когда я распрашивала нѣкоторыхъ въ Лондонѣ о Карлѣ Броски, никто не зналъ и не слыхалъ объ этомъ имени.

»Однажды кто-то спрашивалъ у людей моихъ не придетъ ли въ тотъ день Синьоръ Броски, говоря, что не засталъ его дома, но что имѣетъ крайнюю нужду его видѣть. Это былъ старичекъ весьма хорошо одѣтый; сѣдые волосы его придавали ему почтенный видъ, въ лицѣ его выражалась доброта, которою оживлялись

блестящіе глаза его. Я стала говорить ему о Карлѣ, и внезапно возвысилъ онъ голову съ выраженіемъ радости и гордости. Карлъ былъ его божество, его идолъ; на свѣтѣ не было человѣка, съ кѣмъ бы онъ могъ сравнить его. Потомъ вдругъ, какъ бы испугавшись своего возрастающаго энтузіазма, онъ остановился посреди похвалъ своихъ.

— »Я не могу говорить, сказалъ онъ; но если бы вы его знали, такъ, какъ я, если бы вы знали, сколько онъ дѣлаетъ добра, сколько разсыпаетъ золота щедрою рукою.... И притомъ человѣкъ столь много превосходящій другихъ.... столь богатый, какъ простъ...., какъ скроменъ.... это само добродушіе;... онъ не сдѣлалъ бы никому вреда, развѣ только одной....

» Старецъ отеръ слезу; и чѣмъ болѣе я слушала его, тѣмъ знакомѣе становился

мнѣ голосъ его — онъ хотѣлъ снова начать выхвалять Карла, какъ тотъ вошелъ къ намъ въ залъ. При видѣ старца, лице его побагровѣло, глаза его обыкновенно столь кроткіе, бросали молнію и имъ овладѣла нервная дрожь.

— »Вы здѣсь! вскричалъ онъ, кто позволилъ вамъ придти сюда? Кто вамъ позволилъ явиться ко мнѣ?

— »Я хотѣлъ только минуту посмотрѣть на тебя, Карлъ, отвѣчалъ старецъ трепеща; уже такъ давно я не имѣлъ этого счастія.

— »Чего вы хотите отъ меня? продолжалъ Карлъ, стараясь при мнѣ скрыть свой гнѣвъ; я далъ вамъ десять тысячь ливровъ пенсіи, вы будете имѣть пятьнадцать; хотите болѣе?

— »Нѣтъ, ты хорошо знаешь; не этого я прошу у тебя.

— »Вы получите двадцать—съ условіемъ, чтобы вы тотчасъ ушли и чтобы я никогда васъ болѣе не видалъ.

— »А я отказываюсь, если ты мнѣ не позволишь хоть разъ въ годъ видѣть тебя.

— »Пусть будетъ такъ! отвѣчалъ Карлъ, гнѣвъ котораго возобновился! . . . Но подите. . . . удалитесь отсюда!

— »Я повинуюсь тебѣ Карлъ, сказалъ старецъ, рыдая. Ты только противъ меня жестокъ и золъ. . . . Но я не жалуюсь на тебя, ты имѣешь право. . . . Можетъ быть нѣкогда отдашь мнѣ болѣе справедливости.... И такъ, прощай, чрезъ годъ.... Не такъ ли? Прощай, Карлъ, я иду молиться за тебя.

»Онъ вышелъ, а Карлъ, еще взволнованный и гнѣвный, упалъ въ кресла.

— »Ахъ! Боже мой! сказала я, подходя къ нему, кто этотъ старикъ?

— » Какъ, Синьора, развѣ вы не помните его? развѣ не узнали его? отвѣчалъ онъ отрывисто.

— » Нѣтъ, совершенно не помню.

— » Это отецъ мой!

— » Вашъ отецъ, вскричала я, мой старый фортопьянный учитель.... добрый Жерардъ Броски!... Ахъ! пусть онъ воротится, умоляю васъ, пусть онъ воротится! О! какъ я была бы счастлива, обнявъ его.

» И я побѣжала къ окну, чтобы позвать его, но Карлъ остановилъ меня. Тогда сквозь окно увидѣла я старца, удаляющагося въ паркъ и пораженная его видомъ и походкою, вскричала:

— » Это тотъ иностранецъ, который въ тотъ несчастный вечеръ приходилъ въ замокъ и спрашивалъ васъ.

— » Онъ самый. Десять лѣтъ тому на-

задъ отправился онъ въ Петербургъ, гдѣ ему поручено было образовать музыкантовъ для Двора, но вскорѣ возбудивъ справедливый гнѣвъ Петра, онъ сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ находился семь лѣтъ —не имѣя возможности дать знать о себѣ и наконецъ возвратился въ Неаполь—въ тотъ вечеръ, когда мы должны были соединится.

—» За чѣмъ же вы, Карлъ, такой добрый со всѣми, такъ жестоко обращаетесь съ отцемъ вашимъ?

—» Карлъ не отвѣчалъ мнѣ.

—» За чѣмъ отказываетесь видѣть его?

—» За чѣмъ? сказалъ онъ мнѣ глухимъ голосомъ и съ судорожнымъ трепетомъ; при видѣ его, у меня всегда рождается охота убить его! . . .

—» Крикъ ужаса вырвался у меня.

— » Да. . . . Это ужасно, не правда ли? А какъ я не хочу быть отцеубійцею, то изгналъ его изъ моего присутствія. Это худо, можетъ быть, и я виню себя, но все таки это лучше. Голова его упала на грудь, и онъ замолчалъ.

» Чрезъ нѣсколько дней мы получили совершенно неожиданное посѣщеніе. Часто къ завтраку приходилъ къ намъ Карлъ и проводилъ у насъ все утро. Входитъ лакей въ лиловой ливреѣ и говоритъ тихо Карлу, что Епископъ Нольской желаетъ говорить съ нимъ. Карлъ затрепеталъ и вскричалъ:

— » Онъ!... въ Англіи!... что привело его сюда?... за чѣмъ же не войдетъ онъ? Или онъ боится увидѣть друзей своихъ?

» Обѣ половинки дверей отворились и вошелъ Теобальдъ. Мужъ мой вскрикнулъ отъ удивленія:

— »Возможно ли! Бывшій священникъ Герцога Аркосскаго! Теперь въ одномъ изъ высшихъ чиновъ церкви!

»Потомъ подойдя къ нему и почтительно кланяясь, онъ сказалъ: »Мнѣ кажется Синьоръ Теобальдъ, что вы себѣ проложили путь?«

— »Не дарованіями, не заслугами, отвѣчалъ холодно Теобальдъ, но благодаря покровительству нѣкоторыхъ друзей моихъ.

— »Которые выполнили обѣщанія! присовокупила я съ живостію.

— »Не всѣ.... сказалъ онъ съ выраженіемъ неудовольствія, взглянувъ сурово на Карла.

»Потомъ обратясь къ нему.

— »Я пріѣхалъ сюда, чтобъ поговорить съ тобою.

— »Послѣ, преподобный отецъ, отвѣчалъ ему Карлъ тихимъ голосомъ; и улыбка кротости, казалось обезоружила его суровость; мы будемъ имѣть еще время.

— »Нѣтъ, строго отвѣчалъ Теобальдъ, я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ найти и увезти тебя. Ты долженъ сего дня же отправиться.

— »Что за причины?

— »Причины весьма важныя, которыя я долженъ открыть тебѣ.

— »Мы не хотимъ мѣшать бесѣдѣ вашей, сказалъ Графъ Пополи. Не угодно ли вамъ войти въ кабинетъ мой — отдаю его въ ваше распоряженіе и прошу васъ дѣйствовать съ совершенною свободою; я же долженъ ѣхать со двора.

»Онъ отперъ двери боковой комнаты, куда оба друга вошли; потомъ Графъ уѣхалъ, оставивъ меня одну въ залѣ.

» Тогда, не знаю, что со мною происходило; ужасное искушеніе овладѣло мною. Теобальдъ и Карлъ были тамъ.... въ двухъ шагахъ.... они разговаривали безъ сомнѣнія о тайнѣ, отъ которой зависѣла судьба ихъ, а слѣдовательно и моя. Ужасная тайна, которую боялись они повѣрить мнѣ, опасности, которой дружба ихъ, можетъ быть, поклялась предотвратить отъ меня; но моя дружба должна была похитить у нихъ эту тайну, чтобы раздѣлить опасности съ ними.... и противъ ихъ воли.... Да, ихъ опасности, ихъ горе и несчастія принадлежали мнѣ.... они не имѣли права скрывать ихъ отъ меня. И какъ бы подвинутая, увлеченная желѣзною рукою, я очутилась у двери, и блѣдная, едва дыша, склонила голову и слушала.

IV.

»Я ихъ подслушивала! но голосъ ихъ доходилъ только изрѣдка до моего уха, притомъ я пропустила начало ихъ разговора.

— »Да, говорилъ Теобальдъ, для твоего, а особенно для ея счастія, ты клялся мнѣ никогда не видать ее.

— »Не могу.... я люблю ее болѣе, чѣмъ когда либо!

— »И такъ, болѣе для себя самаго, нежели для нея.... ты не думаешь о ея спо-

койствіи, ты равнодушенъ къ ея единственному благу, ея славѣ, которую мы, друзья ея, должны защищать, и которую ты помрачаешь въ глазахъ всѣхъ.

— »Ты правду говоришь.... но я люблю ее—и ты не можешь понять, ты, у котораго сердце оледенѣло,—сколько въ этомъ словѣ упоенія, восторга и отчаянія.

— »И такъ, вскричалъ Теобальдъ, возвышая въ гнѣвѣ голосъ, для любви запрещенной, преступной, ты приносишь въ жертву и благодарность и долгъ.

— »Долгъ!

— »Да долгъ свой; Король боленъ, онъ тебя требуетъ.... Онъ нуждается въ тебѣ. Дни его, которые ты уже спасъ однажды, снова въ опасности; и ты возлѣ женщины, забываешь и свои клятвы и своего благодѣтеля.

— » Но эта женщина все для меня; она душа моя, жизнь моя.

— » Сожалѣю о тебѣ Карлъ; но не уклоняйся отъ долга, я пріѣхалъ за тобою и ты поѣдешь.

— » Нѣтъ я не могу оставить Жуаниту.

— » Ты поѣдешь, говорю я.

— » Не сей часъ, по крайней мѣрѣ.

— » Сего же дня, тотчасъ.

— » Никогда!

— » Я имѣю средство тебя заставить.

— » Сомнѣваюсь!

— » И такъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ одного изъ васъ, я все разскажу Жуанитѣ.... и я слышала какъ онъ приближался къ дверямъ.

— » Карлъ вскрикнулъ.... повинуюсь.... ѣду.... оставляю Англію; но позволь мнѣ пробыть съ нею одинъ только часъ.

— »Одинъ часъ — хорошо, отвѣчалъ Теобальдъ.

— »И я приду къ тебѣ, сказалъ Карлъ.

— »Нѣтъ, я велю приготовить карету и пріѣду самъ за тобою; это вѣрнѣе. Когда оба вышли, Теобальдъ простился съ нами и я осталась одна съ Карломъ.

»Изъ разговора, который я слышала, хотя весьма темнаго для меня, я узнала не любовь Карла; мнѣ ли нужно было узнавать ее, но узнала источникъ и происхожденіе его богатства. Я поняла, казалось, что дни Короля были въ опасности, и что наукою своею Карлъ возвратилъ его къ жизни. И въ самомъ дѣлѣ, не говорилъ ли мнѣ Карлъ, что занятія и труды открыли ему новую дорогу; и зная его склонность ко всѣмъ наукамъ, весьма вѣроятно было, что медицина доставила ему богатство и славу. Этимъ изъяснялась

сила его при Дворѣ и тѣ милости, коими пользовался онъ у коронованныхъ особъ. Но къ чему же ему не сознаться? за чѣмъ скрывать отъ меня успѣхи свои, которыми бы я гордилась? вотъ чего не могла я понять и надѣялась узнать.

» Онъ стоялъ предо мною и грустно смотрѣлъ на меня, не зная вѣроятно, какъ сказать мнѣ объ отъѣздѣ своемъ. Я вывела его изъ сего затрудненія и протянула ему руку.

— » Прости мнѣ Карлъ, прости виновной любопытство, въ которомъ она сознается. Я хотѣла, не спрашивая васъ, проникнуть въ вашу тайну; я васъ подслушала.

» При этихъ словахъ мертвая блѣдность разлилась по всѣмъ чертамъ лица его; неподвижный и охладѣвшій онъ упалъ къ ногамъ моимъ. . . . Ахъ! въ эту ужасную

минуту я ничего не помнила;... внѣ себя, я бросилась предъ нимъ на колѣна и чувствовала, что готова ему послѣдовать.

— » Карлъ, вскричала я, Карлъ, слышишь ли ты меня? Приди въ себя, чтобы услышать, что я люблю тебя!

» И на губахъ его я замѣтила легкое движенiе; его сердце не переставало биться. . . . онъ существовалъ еще. Я открыла окна и прохладный воздухъ освѣжилъ и оживилъ его. Я давала ему нюхать разные спирты и крѣпкiя соли. Наконецъ онъ открылъ глаза и едва поднималъ голову, которую держала я на груди своей.

— » Гдѣ я? сказалъ онъ.

— » Подлѣ меня, подлѣ друга, который умоляетъ тебя о прощенiи, и въ нѣсколькихъ словахъ разсказала я ему мое преступленiе, мою неосторожность, и все, что я слышала.

»По мѣрѣ того, какъ я говорила, блѣдность его мало по малу изчезала; легкая краска начала показываться на лицѣ его; кровь и жизнь начали обращаться въ его жилахъ. Омоченный моими слезами, чувствуя біеніе сердца моего, которое, противъ воли, говорило ему о моемъ смятеніи и любви, онъ вскричалъ:

— »Ангелъ неба! ты ли призываешь меня, или пришелъ за душею моею?

— »Нѣтъ, нѣтъ говорила я ему, душа столь благородная и чистая должна еще оставаться на землѣ; она наша, она намъ принадлежитъ.

— »Да, ты говоришь правду, вскричалъ онъ съ жаромъ, она твоя. Ты одна можешь приказать сердцу моему биться или умолкнуть, ты одна можешь отнять и возвратить мнѣ жизнь. О Жуанита! ты никогда не узнаешь сколько я страдалъ.....

жить подлѣ тебя, упиваться твоимъ дыханіемъ, сгарать любовію, и не смѣть это сказать тебѣ.... это ужаснѣйшее изъ всѣхъ мученій, оно гнететъ меня ежеминутно и я не могу разстаться съ нимъ.... не могу оставить тебя и не умереть! Онъ стоялъ на колѣнахъ и цѣловалъ мои руки.... Въ моемъ смятеніи, въ отсутствіи всѣхъ моихъ чувствъ, я не слышала какъ отворилась дверь. Графъ Пополи стоялъ за нами и смотрѣлъ на насъ.... Если я хорошо описала вамъ вспыльчивый характеръ моего мужа, вы можете себѣ представить его гнѣвъ. Онъ бросился къ намъ и внезапно двѣ шпаги заблистали. Карлъ выбилъ шпагу противника, и наклоня свою сказалъ:

— »Выслушайте меня, умоляю васъ выслушайте меня. Синьора невинна, клянусь самимъ Богомъ.

— » Ступай же оправдываться предъ Нимъ! вскричалъ Графъ поднимая оружіе и началъ снова драться съ запальчивостію пагубною для него. Бросившись на Карла, который только защищался, онъ наткнулся на желѣзо и упалъ смертельно раненый. Въ эту минуту кто то вбѣжалъ въ залъ. Это былъ другъ, спаситель, — это былъ Теобальдъ.

— » Несчастный! вскричалъ онъ Карлу, бѣги! бѣги! Моя карета внизу.... если не для себя, такъ хоть для чести Жуаниты.

— » Кто можетъ теперь спасти честь мою? вскричала я съ отчаяніемъ.

— » Я, сказалъ Теобальдъ, я, котораго единственный долгъ блюсти васъ.

» Онъ обратился къ моему мужу, который собравъ послѣднія силы, схватилъ снурокъ колокольчика. На этотъ шумъ,

прибѣжали всѣ люди дома. Карла уже не было; но они увидѣли господина своего, распростертаго въ крови на полу; Теобальда, поддерживающаго его на рукахъ своихъ и меня подлѣ него на колѣнахъ почти безчувственную. Они бросились къ нему и старались подать помощь, безполезность которой онъ уже самъ чувствовалъ. Когда ему перевязывали рану, онъ голосомъ умирающаго сказалъ своимъ слугамъ.

— » Ступайте, приведите сюда Альдермена, присяжныхъ; я хочу говорить при нихъ.

— » Такъ, сказалъ Теобальдъ, исполните волю вашего господина, но до прибытія ихъ оставьте насъ однихъ.

» Слуги вышли, и Теобальдъ приблизился къ постели, куда перенесли умирающаго.

— » Какое ваше намѣреніе, Графъ? спросилъ онъ важнымъ и торжественнымъ голосомъ.

— » Поручить законамъ мое мщеніе, объявить присяжнымъ о преступленіи и его виновникѣ.... чтобы послѣ меня, и въ глазахъ всѣхъ, тѣ, которые недостойною измѣною обезчестили меня, подверглись въ свою очередь безчестію, публичному и постыдному наказанію! . . . И наконецъ, продолжалъ онъ голосомъ болѣе слабымъ, хотя въ глазахъ его сверкала ревность, чтобы они не могли радоваться и воспользоваться смертію, которую нанесли мнѣ. . . . чтобы послѣ меня, они не могли соединиться.

— » А что скажетъ Богъ, предъ кѣмъ вы готовы предстать, вскричалъ Теобалвдъ ужаснымъ голосомъ, если вы обвините и обезславите честь невинной,

если вы повергнете въ безславіе и позоръ жену вашу, которая никогда не была виновна?

— » Напрасно думаете обмануть меня, сказалъ умирающій.

— » Служитель Бога, я говорю правду, говорю это предъ смертнымъ одромъ вашимъ и предъ Богомъ, который меня слышитъ.

— » Я не могу вамъ вѣрить и въ присутствіи достойнаго магистрата. . . . буду говорить.

» Въ эту минуту, въ самомъ дѣлѣ, Альдерменъ и присяжные показались у дверей; за ними и на лѣстницѣ толпились слуги.

— » Ахъ! сказала я Теобальду, я пропала!

— » Нѣтъ! пока я живъ.

»И бросясь на колѣни у постели, Теобальдъ сказалъ ему:

— »Выслушайте меня, выслушайте меня именемъ души вашей!

»Наклонясь къ уху Графа, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ тихимъ голосомъ. Въ это время члены Магистрата безмолвно вошли въ комнату и окружили постель.

»Тогда Графъ Пополи, поддерживаемый Теобальдомъ, приподнявшись на своемъ ложѣ, обратился къ толпѣ, которая безмолвно ожидала его объясненія.

— »Господа, сказалъ онъ, объявляю вамъ, что я былъ безукоризненно раненъ синьоромъ Карломъ Броски въ дуэли, на который я самъ вызвалъ его. Я требую отъ васъ, друзья мои, и отъ жены моей, которой любовь и вѣрность къ своему долгу мнѣ извѣстны, не преслѣдовать и

не безпокоить никого за смерть мою. — Теперь, отецъ мой, сказалъ онъ Теобальду, благословите меня!

— » Да приметъ тебя Господь въ лоно свое! сказалъ священникъ умирающему.

» Тутъ онъ началъ читать церковныя молитвы, которыя повторяли присутствующіе, и окропилъ чело его святымъ елеемъ. . . .

» Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ Графа, онъ пожалъ руку Теобальду, протянулъ мнѣ другую и сказалъ ласково:

— » Прости мнѣ! . . .

» И небо открылось для него. . . .

» Не могу описать вамъ, что происходило со мною во время этой долгой, ужасной и страшной сцены. Сколько различныхъ чувствъ любви, ужаса и удивленія овладѣли мною; силы мои истощи-

лись, разсудокъ мой ослабѣлъ; и долго послѣ того, когда прошла буря, я не могла увѣриться въ тишинѣ, смѣнившей ее.

»Теобальдъ, не стараясь объяснять себѣ страннаго происшествія, въ которомъ мы были дѣйствователями и свидѣтелями, оставилъ меня чрезъ нѣсколько дней по смерти Графа Пополи.

— »Вамъ нѣтъ уже нужды во мнѣ, сказалъ онъ; оставляю васъ въ уваженіи и почтеніи у всѣхъ; вы этого заслуживаете. Если несчастіе снова постигнетъ васъ, я возвращусь. Другой требуетъ моихъ заботъ, другой другъ достоинъ болѣе сожалѣнія, нежели вы; онъ виновенъ. Сказавъ мнѣ это, онъ уѣхалъ.

»Я осталась одна въ моемъ жилищѣ, нѣкогда столь прекрасномъ, а нынѣ столь печальномъ. Здѣсь провела я первые мѣсяцы моего вдовства, не получая ни

одного письма, никакого извѣстія отъ друзей моихъ!

» Отъ чего происходило такое молчаніе? я не знала.

» Болѣзнь, которой припадки я уже прежде чувствовала, стала теперь болѣе безпокоить окружающихъ меня. Я сама ею мало занималась. . . . не къ ней обращены были мысли мои. Наконецъ я получила письмо, почеркъ котораго заставилъ меня содрогнуться; вы отгадываете, что оно было отъ Карла. Онъ писалъ, что Теобальдъ запретилъ ему писать ко мнѣ, но узнавъ, что я страдаю, что я больна, онъ слушалъ только собственныхъ совѣтовъ.

— »Климатъ Англіи не свойственъ вамъ, писалъ онъ мнѣ; онъ усиливаетъ вашу болѣзнь; вамъ нуженъ климатъ болѣе теплый и пріятный, солнце Неаполя и воз-

духъ отечества. Возвратитесь не въ замокъ Аркосскій, который напоминалъ бы вамъ слишкомъ печальныя событія, но въ Сорренту, на берегъ моря, въ вашу веселую виллу, гдѣ дружба васъ будетъ ожидать.«

— » Ахъ! вскричала я удивленная, развѣ онъ забылъ, что я все потеряла, что ничего не принадлежитъ мнѣ тамъ, ни самый воздухъ отечества, изъ котораго я изгнана? Но какова была радость моя, когда я нашла при письмѣ повелѣніе Короля, возвращавшее мнѣ отечество и достояніе моихъ предковъ.... Я уже не была изгнанною, снова сдѣлалась богатою и счастливою, болѣе счастливою тѣмъ, что одолжена была этимъ счастіемъ другу дѣтства моего. О! какъ пріятно быть благодарной тому, кого любишь; съ радостію принимаешь благодѣянія, заставляющія еще болѣе любить его.... Тотчасъ

оставила я Англію и отправилась хотя страждущая и одинокая!... одинокая! нѣтъ, я не была одна; веселыя мечты окружали меня, и еще болѣе пріятныя ждали меня на берегу; я готовилась увидѣть прекрасную Италію, съ которою казалось, навсегда уже разсталась. Невольницею оставила я ее и возвращалась свободною.... свободною! Ахъ! при этомъ словѣ невольно сладкія мечты рождались во мнѣ; обманчивые призраки, быть можетъ, которые разумъ хотѣлъ и не могъ изгнать, тщетныя надежды, безпрестанно возобновлявшіяся и снова исчезавшія, обращали всѣ мои мысли къ родинѣ.

» Наконецъ достигла я Соррентскаго берега и опять увидѣла прелестныя дачи, принадлежавшія Герцогу Аркосскому и имъ никогда не виданныя. Карлъ ждалъ меня. Исполненная радости и упоенія,

счастливая настоящимъ и будущимъ я бросилась къ нему; но меня поразилъ печальный видъ его. Чего могъ онъ теперь бояться или желать? Я была свободна! Я поняла, что причиною его горести была болѣзнь моя, была благодарна за его безпокойство и любовь моя росла съ заботами, которыми онъ окружилъ меня. Мнѣ казалось столь сладостнымъ быть одолжену ему здоровьемъ, ему одному и его искуству.

— »Увы! сказалъ онъ мнѣ, вы ошибаетесь, полагая, что я такъ искусенъ.

— »Развѣ вы не знаменитый докторъ?

— »Ахъ! изъ всѣхъ знаній, теперь завидую одной медицинѣ. Но, увы! я не обладаю ею, и доказательствомъ то, что не могу васъ лечить и долженъ другимъ уступить это счастіе.

»Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ въ Неаполь за искуснымъ докторомъ, который уже не оставлялъ насъ; Карлъ умолялъ меня слушаться его совѣтовъ, и приписывалъ его старанію и искуству нѣкоторую перемѣну, которую онъ вскорѣ замѣтилъ.

— »Вы ошибаетесь, говорила я ему, единственно вашему присутствію обязана я облегченіемъ въ моихъ страданіяхъ.

»И точно, никогда жизнь моя не была столь счастлива и тиха. Увѣренный во мнѣ и въ любви моей, Карлъ боялся говорить мнѣ о своихъ надеждахъ, и я была столь же скромна. Нужно ли мнѣ было говорить ему: Это сердце твое! Могла ли я дать ему то, что не принадлежало мнѣ? Но еще нѣсколько мѣсяцевъ молчанія,—и дни вдовства пройдутъ; и любовь, теперь преступная, будетъ тогда долгомъ.

» Безъ словъ мы понимали другъ друга, и въ тихомъ упоеніи, въ сладкомъ ожиданіи, исполненномъ счастія, текли дни наши; мой страхъ, мои безпокойства и прежняя недовѣрчивость, все разсѣялось. Будущее изгладило изъ памяти моей прошедшее, и хотя Карлъ ничего не говорилъ мнѣ, ни въ чемъ не признавался, мнѣ казалось однакожъ, что между нами нѣтъ никакой тайны. Что оставалось мнѣ спросить у него?... Онъ меня любилъ, какая мнѣ была надобность до остальнаго! Какъ во дни нашего дѣтства, снова возобновились наши веселые разговоры и прогулки. Разговоръ его всегда столь привлекательный, былъ теперь болѣе важенъ и поучителенъ. Воспитанная вдали отъ свѣта, я едва знала его; Карлъ познакомилъ меня со всѣми великими событіями, потрясавшими тогда отечество мое и всю Европу. Онъ говорилъ мнѣ о владѣтельныхъ ли-

цахъ, описывалъ ихъ отличительныя черты, ихъ политику, характеръ ихъ, какъ будто всегда былъ съ ними въ дружбѣ. Онъ объяснялъ мнѣ, какъ они хотятъ вовлечь Испанію въ разные союзы, въ борьбы славныя можетъ быть, но не столь полезныя, какъ миръ, который нуженъ былъ, чтобы уврачевать ея раны. Онъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ безъ сраженій, она можетъ достигнуть и большаго могущества и большаго уваженія.

— »Боже мой! Карлъ, говорила я ему, откуда вы узнали все это? Знаете ли, что вы были бы весьма искуснымъ, великимъ Министромъ.

»Онъ улыбнулся и продолжалъ съ видомъ внутренняго безпокойства:

— »Избави Боже! знаменитость такъ далека отъ счастія, а мое счастіе здѣсь подлѣ васъ.

»Потомъ пожимая мою руку, которая покоилась въ его рукѣ, смотря на прекрасный Неапольскій заливъ, на это благоуханное море, котораго струи, ласкаясь, изчезали у ногъ нашихъ, на заходящее солнце, горящее тысячами огней.

»Здѣсь на этихъ Саррентскихъ берегахъ, вскричалъ онъ, родился Тассъ, здѣсь онъ любилъ, здѣсь страдалъ!

»И увлеченный воображеніемъ, съ чувствомъ и нѣжностію говорилъ о Тассѣ, о его славѣ, его несчастіяхъ; и краснорѣчивыя слова его раздавались въ ушахъ моихъ сладкою, тихою гармоніею, какъ самые стихи поэта, котораго онъ прославлялъ; я слушала его, восхищалась и гордилась имъ и его любовію.

»Вечера проводили мы въ роскошномъ павильонѣ, устроенномъ на берегу моря и служившемъ намъ библіотекою и музы-

кальною залою.... Я садилась за фортепiано, а Карлъ акомпанировалъ мнѣ. Онъ прiобрѣлъ талантъ, о которомъ я прежде совершенно не знала: онъ игралъ на арфѣ съ такимъ искуствомъ, что часто въ половинѣ пьесы я останавливалась слушать его; часто предавшись горести и мечтанiямъ, онъ игрою своею трогалъ до слезъ, и увлекаемый вдохновенiемъ уступалъ самъ тому чувству, которое рождалъ въ другихъ. Тогда голова его склонялась на грудь, руки не касались уже арфы, глаза наполнялись слезами, которыя онъ спѣшилъ отереть улыбаясь; потомъ вдругъ, чтобы возстановить веселiе, начиналъ играть какое либо Болеро или веселую Баркароллу.

» Ничто не могло сравниться съ добротою его сердца; хотя я должна признаться, въ характерѣ его были странности

неизъяснимыя. Однажды, крестьянка изъ округа, Фіамма пришла благодарить меня, не знаю за что, и разсказала, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, бѣдная и больная, просила она милостыни для семейства своего на большой дорогѣ при дверяхъ часовни. Вдругъ тяжелый кошелекъ упалъ къ ногамъ ея; она оглянулась и увидѣла молодаго человѣка; это былъ Карлъ, который ей сказалъ:

— »Не ты ли та Фіамма, которая была нѣкогда садовницею въ замкѣ Аркосскомъ?

— »Да, Синьоръ, безъ хлѣба и безъ пріюта съ тѣхъ поръ, какъ госпожа наша изгнана изъ ея конфискованныхъ имѣній.

— »Это кошелекъ отъ нея, возьми его, будь счастлива и молись за нее.

— »И за васъ, мой благодѣтель.

»Восхищенная Фіамма возвратила ра-

дость въ семейство свое, радость эта усугубилась, когда, благодаря щедрости Карла, она въ послѣдствіи вышла замужъ за Гіамбатиста, своего возлюбленнаго, и устроила его счастіе; теперь онъ одинъ изъ искуснѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ садовниковъ въ округѣ. Съ своей стороны и я также хотѣла подарить Карла пріятною нечаянностію, и сдѣлала Гіамбатиста главнымъ надъ садами моими; онъ перешелъ ко мнѣ съ женою и двумя дѣтьми. Потомъ, на другой день его переселенія направивъ прогулку къ ихъ жилищу, я вошла къ нимъ съ Карломъ. Я надѣялась, что видъ счастливаго семейнаго быта мужа и жены, которые такъ любили другъ друга, доставитъ ему большое наслажденіе.... но оказалось совершенно противное; на лицѣ его выразились чувства горести, которыя онъ тщетно спѣшилъ скрыть! Когда ихъ дѣти, играя, по-

падали у ногъ его, онъ отступилъ, чтобъ удалиться; потомъ, стыдясь своего движенія, снова подошелъ къ нимъ и, пока я держала ихъ у себя на колѣняхъ, и цѣловала, онъ поласкалъ ихъ не много, но весьма холодно. Каждый разъ, когда онъ встрѣчалъ въ саду Фіамму, или мужа ея, дружески разговаривалъ съ ними о ихъ работахъ и никогда не оставлялъ ихъ, не сдѣлавъ имъ какого либо подарка; но увидя ихъ вмѣстѣ, отворачивался, не сказавъ имъ ни слова.

— » Мнѣ кажется, вы любите Фіамму, сказала я ему однажды въ веселомъ духѣ и что вы завидуете Гіамбатисту.

» Съ удивленіемъ посмотрѣлъ она на меня, какъ бы не понимая, какъ могла придти мнѣ въ голову такая мысль; и я спѣшила смѣясь, успокоить его; но когда онъ замѣчалъ двухъ маленькихъ дѣтей въ

самомъ концѣ алеи, то съ видимымъ намѣреніемъ сворачивалъ въ другую. Правда, они были чрезвычайно рѣзвы, а Карлъ въ прогулкахъ своихъ искалъ всегда тишины и уединенія. Особенно съ нѣкотораго времени обыкновенная задумчивость его, казалось, увеличилась; часто заставала я его скучнымъ и задумчивымъ, хотя каждая минута приближала насъ къ сроку, предмету нашихъ желаній. Еще два мѣсяца, и трауръ мой кончится. Что же могло смущать приближавшееся счастіе? Какія мысли могли затмѣвать столь пріятныя надежды? — Карлъ получилъ нѣсколько писемъ, которыя, казалось, весьма сильно занимали его, такъ, что не смотря на мою осторожность, я рѣшилась спросить его.

— » Увы! отвѣчалъ онъ, вы справедливы, ваше сердце отгадало мою тайну; да, я испытаю сильную горесть! Я долженъ

васъ оставить, Жуанита, удалиться отъ васъ на мѣсяцъ,—цѣлый мѣсяцъ не видѣть васъ, понимаете ли вы мое горе?

— » Да, отвѣчала я, если подумаю только о моей грусти, но зачѣмъ удаляться, что заставляетъ васъ? . . . Смятеніе, которое отразилось въ лицѣ его, сказало мнѣ, что я не должна ничего знать.

— » Не спрашиваю у васъ, вскричала я, ничего не спрашиваю; другъ вашъ не хочетъ знать ни одной тайны вашей. . . . до того дня, когда онѣ будутъ принадлежать мнѣ. . . .

» Онъ затрепеталъ, и я поспѣшно примолвила:

— » До тѣхъ поръ; но и тогда буду только повиноваться вамъ. Поѣзжайте, если это нужно, но если я дорога вамъ, возвратите мнѣ скорѣе то счастіе, которое вы похищаете у меня. . . .

»Онъ клялся возвратиться ранѣе мѣсяца и уѣхалъ.... Тогда я нашлась въ большомъ затрудненіи, какъ проводить дни, создать занятія, новое существованіе, однимъ словомъ жить безъ него!... Эти мѣста, столь пріятныя и веселыя въ его присутствіи, теперь напоминали мнѣ только разлуку съ нимъ, и я не хотѣла оставаться въ нихъ. Уже давно желала я, и должна была благодарить Короля за благодѣянія, коими наградилъ онъ меня. Говорили, что Дворъ въ это время путешествуетъ и чрезъ нѣсколько дней долженъ прибыть въ Севиллу. Я рѣшилась отправиться туда, это путешествіе неутомительно и могло послужить къ моему разсѣянію. Но прежде моего отправленія, я хотѣла заняться и узнать имѣніе, которое милостію Короля, мнѣ было возвращено. Такимъ образомъ два или три дня провела я въ занятіяхъ совершенно но-

выхъ для меня; разбирая и приводя въ порядокъ контракты и документы, которые находились въ комнатѣ занимаемой Карломъ. Въ этихъ дѣлахъ мнѣ попалась бумажка, которая поразила меня; то былъ лоскутокъ письма разорваннаго и уничтоженнаго; но оставалось нѣсколько словъ, и эти слова были писаны рукою Теобальда; письмо же было не давно прислано Карлу; вотъ что сохранилось въ лоскуткѣ:

— »Чего же ты хочешь?... чего ты на»дѣешься?... безразсудный! шесть мѣся»цевъ счастія.... говоришь ты, и потомъ »умереть! Умереть, неблагодарный, а »она?... о себѣ уже я не говорю....«

»Я содрогнулась, читая слова, которыхъ не могла понять, и которыя предвѣщали мнѣ мрачныя намѣренія или, можетъ быть, душа моя расположенная къ раздраженію, давала пагубное значеніе словамъ, кото-

рыхъ ни смысла, ни содержанія я не постигала. Но стараясь найти самыя лучшія причины, чтобы разувѣриться.... я ужасалась, и въ страхѣ, въ тайномъ предчувствіи несчастія отправилась. Впрочемъ переѣздъ мой былъ довольно счастливъ. Время стояло прекрасное, когда я пріѣхала въ Карѳагену; путешествіе Двора придало всему народонаселенію видъ праздника. Король Фердинандъ находился въ Севиллѣ, ожидая Королеву, которая должна была пріѣхать туда же, объѣхавъ сосѣднія провинціи. Я вышла на берегъ и остановилась для отдыха въ Карѳагенѣ. Окна моего дома, какъ и другихъ въ той улицѣ, были украшены тканями и убраны цвѣтами—торжественная процессія должна была пройти по улицѣ: Кардиналъ Бибіена шелъ въ церковь отправлять службу.

—»Вотъ онъ, вотъ онъ, сказали мнѣ,

показывая на раскошный балдахинъ, блестѣвшій золотомъ и каменьями.

»Я взглянула на Святаго отца, раздававшаго благословенія павшему ницъ народу.

— »Теобальдъ! вскричала я.

— »Такъ, отвѣчали мнѣ, это Теобальдъ Чекки, Епископъ Нолы, младшій изъ Кардиналовъ и послѣдній изъ произведенныхъ Папою. По желанію Королевы возвели его на эту высокую степень, куда впрочемъ призывали его и благочестіе и заслуги его.

»Я была поражена! все что я видѣла, все, что слышала, казалось мнѣ волшебствомъ. На другой день я отправилась въ Севиллу: дорога была покрыта идущими и ѣдущими верхомъ и въ колясках. На послѣдней станціи я не могла достать ло-

шаковъ; тамъ было ихъ только четыре и ихъ берегли для одной знатной особы, путешествовавшей инкогнито; необходимость заставила меня остановиться. Зной былъ удушливый, солце налило и, чтобъ укрыться отъ него и отъ пыли, я заперлась въ каретѣ, опустила сторы и ожидала прибытія на почтовой дворъ лошаковъ и проводниковъ ихъ. Я услышала ударъ хлыста почталіона,—знакъ подъѣзжавшаго экипажа. Приподнявъ стору, когда облако пыли разсѣялось, я увидѣла великолѣпную Англійскую коляску. Но какъ вамъ описать мое удивленіе и трепетъ, меня обнявшій, когда узнала Карла, сидѣвшаго подлѣ молодой прекрасной женщины. Она была одѣта просто; но все можно было узнать въ ней знатную особу. Черты лица ея мгновенно врѣзались въ мою память и никогда не изгладятся. И теперь еще вижу ихъ. Въ нѣсколько ми-

нуть перемѣнили лошаковъ и они быстро пустились въ путь. Не много спустя привели лошаковъ и для меня; и покуда ихъ припрягали, я спрашивала у людей постоялаго двора, извѣстна ли имъ особа, которая до меня отправилась?

— »Нѣтъ, Синьора, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, но они богаты и платятъ хорошо: видно это мужъ и жена.

— »Или что нибудь въ этомъ родѣ, прибавилъ съ хитрою улыбкою другой проводникъ.

— »Почему ты такъ думаешь?

— »Какъ не подумать, когда путешествуютъ такъ одни, и когда молодая дама говорила пригожему кавалеру—ты.

— »Точно ли такъ, сказала я, чувствуя, что мое сердце раздирается.

— »Точно такъ; она ему говорила: »Карлъ, что ты скажешь объ этой пыли? Не находишь ли ты, что мы, какъ боги, путешествуемъ въ облакахъ?

— »Этого довольно, сказала я, отправимся теперь.

»Я пріѣхала въ Севиллу болѣе полумертвая, нежели живая. Мой проводникъ привезъ меня въ лучшую гостинницу города, подъ именемъ: Испанскій гербъ. При входѣ въ богато убранную комнату, которую указала мнѣ хозяйка, первый предметъ поразившій глаза мои, былъ портретъ въ богатой рамѣ. Посудите о моемъ смятеніи, когда я узнала въ немъ мою незнакомку, спутницу, любовницу Карла, которой воспоминаніе и черты лица, казалось, преслѣдовали меня всюду.

— »Кто эта особа? спросила я у хозяйки.

» Она съ привѣтствіемъ отвѣчала:

— » Возможно ли, чтобъ вы не узнали Ея Величества, Королеву!

— » Королеву! вскричала я, едва удерживаясь на ногахъ.

» Ахъ! богатство и власть Карла, таинственность окружавшая его, та ужасная тайна, отъ которой зависѣла его жизнь и его свобода, все объяснилось, даже его грусть и угрызеніе совѣсти!... Пораженная, не чувствуя самой себя, не имѣя уже ни способности думать, ни силъ плакать; не знаю сколько времени провела я въ этомъ состояніи. Когда я пришла въ чувство, хозяйка сказала мнѣ, что я цѣлую недѣлю была больна; но что ея стараніями и ревностнымъ присмотромъ здоровье мнѣ возвращено; она сообщила мнѣ также, что уже два дня, какъ свита Короля и весь Дворъ прибыли въ Мадритъ. Не-

вольно говорила я со всѣми о Королевѣ, и къ великому моему удивленію, всякой мнѣ твердилъ, что нѣтъ набожнѣе и добродѣтельнѣе ея, что она обожаетъ своего супруга, раздѣляетъ съ нимъ бремя правленія, и вмѣстѣ съ нимъ только и печется о благосостояніи Испаніи. Страшась открыть тайну мнѣ одной извѣстную, я съ робостію отваживалась спрашивать о Карлѣ. Никому это имя не было извѣстно, никто ничего не слыхалъ объ немъ и въ Испаніи, какъ и въ Лондонѣ, никто не зналъ Карла Броски.

V.

»Какъ скоро здоровье мое позволило мнѣ продолжать путешествіе, я отправилась въ Неаполь, но не поѣхала въ Сорренто.... котораго очаровательный видъ живо напоминалъ бы мнѣ прошедшее счастливое время и былъ бы для меня ненавистенъ.... Я спѣшила укрыться въ тѣнистыхъ аллеяхъ замка Аркосскаго. Его древнія башни, его почернѣвшія и полуразвалившіяся отъ времени стѣны дышали какою то тоскою, и соотвѣтствовали моей грусти. Одна часть замка была построена

на скалахъ, у подножія которыхъ стремительно протекалъ бурный потокъ. Здѣсь на днѣ его, была смерть!... Смерть вѣрная и успокоеніе!... Признаюсь, не разъ, становясь на краю этой пропасти и измѣряя ужасную глубину ея, имѣла я намѣреніе броситься туда. Богъ удержалъ меня! Въ оглушительномъ шумѣ потока мнѣ слышался голосъ Теобальда, возвѣщавшій мнѣ казнь и вѣчное осужденіе;— я трепетала и рѣшилась на продолжительныя и мучительнѣйшія страданія.

»Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ уѣхалъ и вѣрный своему обѣщанію, онъ въ этотъ разъ возвратился въ Сорренто въ назначенный день, но не нашедъ меня тамъ, поспѣшилъ въ замокъ Аркосскій; и хотя бы мнѣ ничего не было извѣстно о его измѣнѣ, я непремѣнно узнала бы о ней по его смущенному и печаль-

ному виду. Я была столько откровенна, что не могла скрыть своей печали и слишкомъ горда, чтобы унизить себя упреками: хладнокровно высказала ему все, что видѣла и слышала и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала молчать о тайнѣ, отъ которой зависѣла его жизнь. Онъ слушалъ меня не прерывая, и когда я кончила вынулъ изъ кармана письмо, подалъ его мнѣ и сказалъ:

— »Пока я живъ, вы никому не станете говорить объ этомъ письмѣ.... ни даже мнѣ самому. Письмо было написано рукою Королевы и заключалось въ слѣдующемъ:

»Никто болѣе васъ, Карлъ, не привер»женъ къ Королю, моему супругу. У него »нѣтъ слуги болѣе вѣрнаго, совѣтника »болѣе просвѣщеннаго. Жизнью его, ко»торою я вамъ обязана, нѣжною лю-

»бовью, мною къ нему питаемою, тѣмъ »участіемъ, которое принимаю въ его »благополучіи и въ славѣ его царствова-»нія, всѣмъ заклинаю васъ, оставьте пу-»стой страхъ и смѣло ступайте противъ »предразсудковъ, съ которыми и мы при-»нуждены бороться. Кому какое дѣло до »вашего происхожденія, до вашего званія? »презрите для насъ крики и насмѣшки »Двора и будьте нашимъ Министромъ по-»добно тому, какъ вы нашъ другъ.

» Я васъ ожидаю 20 числа этого мѣсяца »въ Аранжуецѣ.«

— » Это сего дня, страстно воскликнулъ Карлъ, а я не въ Аранжуецѣ!... Я здѣсь.... въ замкѣ Аркосскомъ.... подлѣ друга.... друга, который меня подозрѣваетъ, меня винитъ, котораго я уже не покину.

— » Какъ, вы остаетесь, Карлъ?

— » Пока живъ, сказалъ онъ мрачно, пока сами не скажете мнѣ, чтобъ я удалился; вы однѣ можете мною располагать!

— » А это званіе, которое вамъ предлагаютъ? Эта милость неожиданная непостижимая?

— » Я васъ просилъ, вскричалъ онъ печальнымъ голосомъ; и вы мнѣ обѣщали никому не говорить объ этомъ, ни даже мнѣ самому.... Услуги, оказанныя мною Государю, тайная его ко мнѣ милость, происходятъ отъ причинъ, которыхъ не могу открыть.... это будетъ единственная и послѣдняя моя отъ васъ тайна, которую вы узнаете, можетъ быть, слишкомъ рано.... да и къ чему узнавать? всѣ опасенія ваши сей часъ изчезнутъ. Онъ взялъ перо и написалъ:

» Государыня!

» Милости, которыми Его Величество

Король и Ваше Величество осыпали незначущаго и неизвѣстнаго Карла, уже возбудили чрезвычайную зависть, тогда, какъ высокая довѣренность, которою вы меня удостоиваете, составляетъ еще тайну, которую съ трудомъ кто можетъ разгадать! Что же произойдетъ, когда я сдѣлаюсь Министромъ? Угрозы, которыя направлены на меня, не остановятся на мнѣ, а пойдутъ, можетъ быть, и выше. Моею преданностію къ Вамъ, Государыня, и къ Его Величеству Королю, тѣмъ участіемъ, которое принимаю въ его славѣ и въ славѣ его царствованія, умоляю его избавить меня отъ предназначеннаго мнѣ высокаго поста. Я не имѣю на то никакихъ другихъ правъ, кромѣ своего рвенія; мой отказъ; можетъ быть сдѣлаетъ меня достойнымъ мѣста, и этимъ отказомъ я думаю оказать услугу Его Величеству. Теперь умоляю Васъ, Государыня, о другой

милости, позвольте мнѣ не являться болѣе ко Двору. Позвольте мнѣ жить и умереть въ уединеніи и неизвѣстности, которыя однѣ приличны бѣдному и несчастному Карлу. Я пишу изъ замка Аркосскаго; и съ того дня, когда Ваше Величество, склонясь на мои просьбы, помиловали Графиню Пополи, вы знаете мои къ ней чувствованія, чувствованія, можетъ быть безразсудныя, но которыя кончатся только съ моею жизнію, также какъ моя преданность и признательность къ Вашему Величеству.«

»Когда я прочла это письмо, онъ запечаталъ его и послалъ съ нарочнымъ.

— »Теперь, сказалъ онъ, можете ли вы еще сомнѣваться во мнѣ?

— »Нѣтъ, я только могу упрекать себя, отвѣчала я, подавая ему руку; и чрезъ нѣсколько дней надѣюсь все поправить.

И дѣйствительно, я спѣшила загладить мои недостойныя намѣренія; особенно признать тѣ жертвы, которыя Карлъ мнѣ принесъ! Я тайно писала къ Теобальду, Епископу Нолы, или лучше Кардиналу Бибіену; теперь я понимала, какимъ образомъ онъ достигъ всѣхъ этихъ титловъ покровительствомъ и дружбою Карла. Не предупреждая его о причинѣ моего приглашенія, я просила его поспѣшить, какъ можно скорѣе, потому, что имѣла намѣреніе просить его оказать мнѣ важную услугу. Я была увѣрена, что онъ пріѣдетъ; и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней карета Его Преосвященства въѣхала на дворъ замка къ великому удивленію Карла, который вовсе не ожидалъ его.

»И такъ послѣ семилѣтняго отсутствія мы еще разъ свидѣлись въ томъ же замкѣ, гдѣ протекла наша юность; въ тѣхъ же

самыхъ мѣстахъ, свидѣтеляхъ нашихъ удовольствій, нашей дружбы, нашихъ клятвъ и мечтаній; клятвъ, которыя мы сдержали, мечтаній, которыя осуществились такимъ чудеснымъ образомъ! Въ ту минуту, когда мы всѣ трое вошли въ залу Герцога Аркосскаго, въ эту готическую залу, такъ много намъ напоминавшую, одна и таже мысль безъ сомнѣнія поразила насъ, потому что мы подали одинъ другому руки и взоры наши остановились другъ на другѣ.... Какая перемѣна, Боже мой! прежде, въ этихъ самыхъ мѣстахъ мы были бѣдны, несчастны, не увѣрены въ своей будущности; но радость и здоровье блистали въ нашихъ глазахъ. Теперь мы были и богаты и могущественны; но заботы и страданія виднѣлись на нашихъ лицахъ.... болѣзнь меня снѣдавшая изгладила живой цвѣтъ моего лица; на челѣ Теобальда были замѣтны раннія мор-

щины, а Карлъ, не знаю отъ чего, былъ всѣхъ насъ печальнѣе. Со слезами на глазахъ мы обняли другъ друга и вскричали: »Все измѣнилось, кромѣ сердецъ нашихъ.«

— »Друзья мои, сказала я имъ, когда они сѣли, помните ли, что за семь лѣтъ предъ этимъ, въ это время мы были очень несчастны; въ этотъ самый день Карлъ насъ покинулъ.

— »Да, да, вскричалъ Карлъ, трепеща, ужасный день, жестокій день!

— »И судьба должна намъ эту горесть вознаградить, продолжала я; потому что до сихъ поръ она была ко мнѣ жестока; а я, Карлъ, была къ вамъ весьма несправедлива. У меня одно средство загладить всѣ мои ошибки, если я только въ состояніи заплатить вамъ за все, чѣмъ вамъ одолжена: чрезъ недѣлю кончится срокъ

моего вдовства, и я желаю, чтобъ тогда же и здѣсь Теобальдъ соединилъ насъ!

— »Карлъ внѣ себя, бросился ко мнѣ благодарить меня и встрѣтилъ грозный взоръ Теобальда.

— »Не благословляю этого союза, сказалъ онъ съ гнѣвомъ.

— »Почему же? вскричала я въ изумленіи.

— »Безразсудные, развѣ вы оба не знаете, что этотъ союзъ невозможенъ и что все васъ разлучаетъ; что благороднѣйшая дама Неаполя, племянница Герцога Аркосскаго, Графиня Пополи не можетъ соединиться....

— »Съ человѣкомъ не знатнымъ и неизвѣстнаго произхожденія? вскричала я съ улыбкою.

— »Нѣтъ, продолжалъ Теобальдъ, смотря

все на Карла, который устремивши взоры въ землю, казался уничтоженнымъ.... она не можетъ предъ глазами всей Италіи соединиться съ убійцею своего мужа.

— »Карлъ испустилъ крикъ удивленія и негодованія.

— »Да, продолжалъ Теобальдъ съ силою, эта рука, поразившая Графа Пополи, не можетъ соединиться съ рукою вдовы его безъ стыда и позора!... подобный союзъ предъ лицемъ всего свѣта былъ бы нарушеніемъ супружеской вѣрности и безчестіемъ.... и если ты любишь ее Карлъ, не предавай ея позору, а чти и уважай ее.

— »Но Графъ Пополи, вскричала я громко, объявилъ, что онъ палъ съ честію, и въ бою, гдѣ его честь нисколько не была запятнана.

— » А если, по моей просьбѣ, продолжалъ Теобальдъ, онъ объявилъ это для того, чтобы сохранить васъ чистою и непорочною въ общемъ мнѣніи! Если я отвратилъ отъ чела вашего стыдъ и посрамленіе, и знаете ли подъ какимъ условіемъ? Знаете ли, что я, можетъ быть, обѣщалъ за васъ и вашимъ именемъ, что никогда ваша рука не соединится съ рукою вашего сообщника?...

— »Развѣ онъ этого требовалъ? вскричала я дрожа.

— » Не могу, какъ служитель Бога, разглашать словъ умирающаго и тайнъ исповѣди; но свидѣтельствую то, и вы должны убѣдиться, что благословивъ этотъ союзъ, я почелъ бы небо оскорбленнымъ!

» Онъ вышелъ и оставилъ насъ пораженными и въ отчаяніи.

— »Да, сказала я сама себѣ, не отвергаю, что подобный бракъ навсегда уничтожилъ бы меня въ свѣтѣ; но я не ожидала въ Теобальдѣ столько твердости и жестокосердія!

»Гласъ дружбы могъ бы усладить то, что религія и обязанность имѣютъ въ себѣ непреложнаго и строгаго; онъ долженъ бы, по крайней мѣрѣ, пожалѣть насъ; а онъ ушелъ. . . . не утѣшивъ насъ! Онъ зналъ, что мы несчастны, и въ первый еще разъ удалился не смѣшавъ своихъ слезъ съ нашими! Карлъ напротивъ, не менѣе моего пораженный этимъ ужаснымъ ударомъ, удвоилъ свою любовь ко мнѣ, стараясь заставить меня забыть о томъ. Онъ скрывалъ отъ меня свою печаль, которая бы усилила мою, и никогда не оказывалъ мнѣ столько любви и нѣжности, какъ теперь. Онъ былъ столько

великодушенъ, что не жаловался и не обвинялъ меня, такъ чистъ, что не желалъ владѣть мною цѣною чести и обязанности; я видѣла его мученія, которымъ онъ тщетно противился! Готовый уступить, онъ бѣжалъ отъ меня, или упоенный любовію, падалъ къ ногамъ моимъ и говорилъ: я буду вашимъ рабомъ; проведу жизнь свою въ обожаніи васъ. Сестра моя, подруга моя, люблю одну душу вашу и желаю одной любви вашей. Ничего болѣе не прошу у Неба, я счастливѣйшій изъ смертныхъ!... Счастіе съ другими не стоитъ несчастія съ вами....

»Такъ протекли три мѣсяца въ страданіяхъ и упоеніяхъ страсти, которая истощала ежедневно наше мужество и силы. Всякій день угрозы Теобальда болѣе и болѣе изглаживались изъ моей памяти; крикъ мнѣнія людскаго и ропотъ свѣта

слабѣе раздавались въ ушахъ моихъ; голосъ Карла мѣшалъ мнѣ ихъ слышать. Особенно съ нѣкотораго времени я замѣчала въ немъ восторженность и нѣкотораго рода помѣшательство, которыя меня безпокоили. Эта безпрестанная борьба въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, сильная горячка, его пожиравшая, и еще усиливавшаяся отъ жаркаго климата и раскаленнаго солнца Неаполя, все жгло его кровь, и воспламеняло его мозгъ. Часто невразумительный разговоръ его обличалъ нестройность его мыслей...; часто его пламенѣющіе и страстные глаза не останавливались ни на одномъ предметѣ, и въ нихъ выражалось какое то мрачное отчаяніе, которое пугало меня.

— » Карлъ, говорила я ему, не смотрите такъ на меня....

— » Успокойтесь, говорилъ онъ, смерть

скоро прекратитъ мои страданія!... Я хотѣлъ ускорить этою минутою.... Не страхъ удерживаетъ меня лишить себя жизни.... страшусь болѣе не видѣть васъ!

»И когда онъ говорилъ это, слезы и рыданія заглушали слова его. Увы! онъ говорилъ правду, эти страданія были не выносимы; и я, слабая женщина, я также не имѣла силъ бороться съ его любовью и съ своею собственною.

»Въ одинъ день воздухъ былъ тяжелъ, зной удушливый; буря собиралась со стороны моря. Мы сидѣли въ паркѣ и я нѣсколько уже времени говорила Карлу, но онъ мнѣ не отвѣчалъ.... я взяла его руку; она была какъ въ огнѣ....

— »Вы въ горячкѣ, сказала я.

— »Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не сплю и это

меня приводитъ въ отчаяніе...; дни отъ этаго идутъ вдвое медленнѣе.... а я напротивъ хотѣлъ бы ихъ укоротить!

»Въ этихъ словахъ его, заключалось столько преданности волѣ Божіей, столько страданій, что все мое мужество оставило меня; я видѣла одного Карла, котораго могла лишиться!... Карлъ въ опасности жизни!... И все въ моемъ сердцѣ уступило этой одной мысли.

— »Послушайте, сказала я, мы довольно страдали! кто можетъ насъ принудить еще большія переносить мученія?... Мнѣніе свѣта, которое, говорятъ, проклянетъ насъ, если представлю васъ и скажу: Вотъ мой спаситель, мой любовникъ, мой супругъ!... Что же, зачѣмъ мнѣ говорить эти слова, которыя мнѣ было бы такъ сладко произнести?... Зачѣмъ признаваться въ нихъ? Если Теобальдъ, если

нашъ другъ оставляетъ насъ, развѣ нѣтъ другаго пастыря, который бы цѣною золота согласился насъ соединить.

»Карлъ сдѣлалъ знакъ удивленія и душевнаго безпокойства.

— »Не знаю, продолжала я вся въ волненіи, допускаютъ ли наши законы подобный союзъ.... Но въ моихъ глазахъ онъ позволителенъ..., потому что предъ Богомъ, который теперь слышитъ слова мои, я смотрю на тебя, какъ на своего супруга.... какъ на того, кому я принадлежу.... Да, Карлъ, честь моя.... была моею жизнью;... а ты мнѣ дороже жизни..., ты видишь, я люблю тебя.... и на вѣкъ твоя.

»При такомъ неожиданномъ, непредвидѣнномъ счастіи, Карлъ испустилъ радостный крикъ, простеръ руки къ небу,

бросился къ ногамъ моимъ и впалъ въ такое помѣшательство, что я страшилась за его разсудокъ и за жизнь его. Привыкши съ давняго времени, бороться со страданіями душевными, онъ нисколько не былъ приготовленъ къ такому великому блаженству и не имѣлъ силъ перенести его. У него сдѣлалось воспаленіе въ мозгу, воспаленіе въ самой сильной степени, и въ теченіи восьми дней онъ находился между жизнію и смертію, никого не видѣлъ, никого не узнавалъ. . . . даже меня! По прошествіи этого времени, воспаленіе прекратилось; но разсудокъ не возвращался.

— »И это скоро будетъ, сказалъ мнѣ докторъ; время, спокойствіе. . . . отсутствіе всякаго шума и сильныхъ ощущеній, вотъ единственныя средства, которыя предписываю ему.

» И дѣйствительно, помѣшательство Карла не имѣло уже въ себѣ ничего ужасающаго. Онъ только и говорилъ о предстоявшемъ бракѣ.

— » . . . . Она меня любитъ, восклицалъ онъ; она любитъ меня болѣе своей чести! . . . Она согласна быть моею! . . . Но когда же наступитъ это счастливое время, въ которое соединюсь съ нею?

— » Какъ только ты выздоровѣешь, говорила я ему.

— » Ахъ! это будетъ весьма скоро, потому что я теперь счастливъ!

» И тогда, въ своемъ пылкомъ воображеніи, которое у него пережило разсудокъ, онъ рисовалъ мнѣ восхитительную картину согласной семейной жизни, прелестей дружбы, сладостнаго семейнаго быта. Эти увлекательныя, восхитительныя

мечты были почти разсудительностію или по крайней мѣрѣ подобное помѣшательство было уже счастіемъ! Опершись на мою руку, онъ однажды вечеромъ вышелъ прогуляться въ паркѣ и эта прогулка была для него благодѣтельна. Мы возвращались въ замокъ, какъ въ передней комнатѣ представился намъ человѣкъ насъ ожидавшій.... Это былъ Жерардъ Броски.... его отецъ!

— »Вотъ прошелъ годъ, сказалъ ему съ нѣжностію старикъ, а ты мнѣ позволилъ всякій годъ видѣться съ тобою.

»Пока онъ говорилъ, Карлъ смотрѣлъ на него пристально и, казалось, припоминалъ что-то. Внезапная произошла въ немъ перемѣна; онъ получилъ разсудокъ. Съ нѣжностію подалъ онъ мнѣ руку. Жуанита, сказалъ онъ, любезный другъ.... Потомъ, увидя Жерарда: Отецъ! вскри-

чалъ онъ ужаснымъ голосомъ, и ударилъ себя яростно въ лобъ. Увидѣвши въ прихожей забытое охотничье ружье, онъ схватилъ его и прицѣлился въ несчастнаго старика. Въ одно мгновенiе заслонила я его собою, говоря ему: Бѣгите, удалитесь! и онъ изчезъ въ паркѣ. Но уже при видѣ моемъ роковое оружiе выпало изъ рукъ Карла.

— »Вы, видите, сказалъ онъ, я въ себѣ не властенъ. Безъ васъ, чтобы я былъ теперь? Отцеубiйцею!... прошепталъ онъ тихо. И дрожа всѣми членами, стоялъ нѣкоторое время, закрывши лице руками. Чтобы возвратить его къ мыслямъ, болѣе нѣжнымъ и болѣе прiятнымъ я приблизилась къ нему и говорила о нашихъ планахъ и о нашемъ бракѣ.

— »Когда же? вскричалъ онъ.

— »Завтра же, если ты желаешь.

— » Онъ пожалъ мнѣ руку съ выраженіемъ нѣжности и благодарности. До завтра, сказалъ онъ мнѣ, и удалился въ свой покой. Онъ ушелъ во время, потому что чрезъ нѣсколько минутъ возвратился Жерардъ и хотѣлъ непремѣнно видѣть еще разъ своего сына и обнять его.

— » Пусть онъ убьетъ меня, говорилъ онъ, но я долженъ его видѣть, онъ мнѣ это обѣщалъ.

» Съ трудомъ убѣдила я его, что въ эту минуту видъ его могъ быть вреденъ Карлу и подвергнуть его новому припадку.

— » Нечего дѣлать, сказалъ онъ вздыхая, его здоровье для меня всего драгоцѣннѣе; пусть онъ живетъ, а я умру. . . . онъ очень жестокъ ко мнѣ. . . . не хочу обвинять его, но я столько люблю его, что онъ долженъ мнѣ простить. . . . Быть такъ, удалюсь.

»И старикъ долго не покидалъ замка, и долго блуждалъ около стѣнъ его. Комната Карла находилась надъ потокомъ, и вечеромъ люди замка видѣли Жерарда на другой сторонѣ пропасти; онъ сидѣлъ на скалѣ, возвышавшейся противъ оконъ его сына, и старался еще различить черты лица его.

»Увы! ни бѣдному старику, ни намъ не суждено было видѣть ихъ! На другой день къ завтраку Карлъ не вышелъ изъ своей комнаты. Я послала за нимъ. Дверь была заперта. На стукъ въ двери, онъ не отозвался. Наконецъ сломали замокъ. Комната была пуста. Онъ со всѣмъ не ложился; но свѣчи, догоравшія на его бюро, доказывали, что онъ провелъ тутъ часть ночи.... Окно, которое выходило на пропасть, было открыто. На подоконникѣ видны были еще слѣды его ногъ. Подъ

окномъ, скалы, окружавшія пропасть, были покрыты кровью и стремительныя воды потока унесли его тѣло! Мы на вѣкъ лишились его.... На бюро, въ своей комнатѣ, оставилъ онъ портфель съ огромными суммами и завѣщаніе, написанное его рукою, въ которомъ въ короткихъ словахъ сказано было, что онъ лишаетъ себя жизни изъ боязни сдѣлаться отцеубійцею.... и что дѣлаетъ меня наслѣдницею всего своего имѣнія.

» Такимъ образомъ лишилась я товарища моего дѣтства и друга моей юности. Такъ судьба, играющая нашими планами, мечтами о счастіи. . . . не хотѣла, чтобы мы соединились на землѣ. Но не соболѣзнуйте о мнѣ, друзья мои, а поздравьте меня! Богъ внялъ моей скорби, Онъ сократилъ время моего изгнанія и скоро, я чувствую это, о любезный Карлъ, скоро

позволить Онъ мнѣ соединиться съ тобою!...

Само собою разумѣется, что въ продолженіе этого долгаго разсказа Графиня Пополи нѣсколько разъ останавливалась, и проливала слезы, сообщая своимъ юнымъ друзьямъ, столь горестныя воспоминанія. Этотъ Карлъ въ одно и тоже время столь великодушный и столь странный, съ такимъ возвышеннымъ сердцемъ и такого ничтожнаго произхожденія, это таинственное лице, которое унесло въ могилу свою тайну, живо возбудило любопытство Фернанда и еще болѣе участіе и состраданіе въ Изабеллѣ. Ея душа, способная къ энтузіазму и восторженному состоянію, легко постигала любовь и скорбь Жуаниты; для нее Карлъ былъ ея героемъ. Если бы она знала его, то любила бы его всѣми силами своей души; потому что о

подобной страсти мечтала она въ романическомъ воображеніи своемъ; она безпрестанно распрашивала свою сестру и заставляла ее повторять малѣйшія подробности ея разсказа.

— Теперь, друзья мои, сказала имъ Жуанита, вы знаете мою судьбу и понимаете мое положеніе. Всѣ имѣнія, которыми владѣю въ Королевствѣ Неаполитанскомъ принадлежатъ моей сестрѣ, ей оставляю ихъ; но помѣстья пріобрѣтенныя мною въ Испаніи, посредствомъ богатствъ Карла, могла я принять не иначе, какъ въ сохраненіе. Не знаю, что сдѣлалось съ несчастнымъ Жерардомъ Броски.... со смерти его сына я уже не видала его; но если онъ опять явится, теперь, или когда меня не станетъ, . . . все это богатство принадлежитъ ему! Онъ одинъ наслѣдникъ своего сына. Фернандъ, и ты сестра, не забудьте

этого.... Вы мнѣ въ томъ клялись и благодаря вашему обѣщанію, вы видите, я могу принять безъ боязни всѣ условія Герцога Карваяля.

Дѣйствительно, Жуанита, должна была на слѣдующей недѣлѣ подписать контрактъ въ такомъ видѣ, какъ начерталъ его Герцогъ и въ тотъ же день должно было совершиться счастіе двухъ любовниковъ.

Но Жуанита сдѣлалась такъ слаба, что не въ состояніи была выдти изъ комнаты. Болѣзнь ея съ нѣкотораго времени весьма усилилась, отъ того ли, что дѣйствительно она достигла своего окончательнаго періода, или отъ того, что волненія испытанныя ею, нанесли роковой ударъ ея нѣжному и слабому составу; она жила для одной любви и воспоминаній!

Изабелла, видя состояніе своей сестры,

объявила, что всякая мысль о празднествахъ и удовольствіяхъ должна быть оставлена; что она до тѣхъ поръ не подпишетъ контракта и не согласится на бракъ, пока Жуанита не будетъ въ состояніи присутствовать при немъ и къ большему отчаянію Фернанда, день свадьбы былъ опять отложенъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ было навѣщать свою невѣсту, которая уже не оставляла своей сестры, и оба они проводили дни подлѣ кровати бѣдной умирающей. Изабелла замѣтила, что единственнымъ средствомъ призвать на ея уста улыбку былъ разговоръ о Карлѣ, и она безпрестанно говорила ей о немъ.

— Уже не увижу его, говорила Жуанита; но если бы мнѣ только увидѣть бѣднаго Жерарда!... я бы умерла довольною и понесла бы туда, моему любезному Карлу благословеніе стараго отца его.

— Терпѣніе! говорила Изабелла, онъ воротится, я увѣрена въ этомъ; особенно если онъ не знаетъ о смерти своего сына. Не долженъ ли онъ видѣть его всякой годъ? а чтобы увидѣться съ нимъ, онъ придетъ къ тебѣ.... въ той надеждѣ, что найдетъ его съ тобою!

— Пустыя мечты, сказала Жуанита, возвратъ невозможный!

— Почему же? Почему судьба не сдѣлаетъ чуда для тебя, сестра?

— А! вскричала Жуанита, молчи! И указавъ пальцемъ на окно, противъ ея кровати, она сказала:

— Мой ослабѣвшій разсудокъ представляетъ мнѣ призраки, которые вижу; пока ты говорила.... мнѣ показалось, что за этимъ окномъ вижу..... Жерарда. Это былъ или онъ самъ, или тѣнь его; онъ смотрѣлъ на меня и плакалъ.

Изабелла бросилась за дверь въ садъ и услышала шаги бѣгущаго человѣка. Она сдѣлала знакъ Фернанду, который догналъ старца и привлекъ его въ комнату Жуанниты, не смотря на все его сопротивленіе.

— Это вы, Жерардъ, вскричала она, и вы меня убѣгаете?

— Это было необходимо, сказалъ дрожащій старикъ, это было необходимо, иначе могъ ли бы я отказаться васъ видѣть! Васъ, которую я воспитывалъ, васъ, благодѣтельницу и друга моего бѣднаго Карла!

— Какъ, вы знаете, что онъ уже не существуетъ?

— Да.... да.... знаю, сказалъ Жерардъ, запинаясь.

— Если такъ, вскричали Фернандъ и

Изабелла, мы должны вамъ вручить сокровища.

— Да, сказала Жуанита, Карлъ вручилъ мнѣ ваше имущество.

— Пусть оно и остается у васъ, отвѣчалъ старикъ; все, что сдѣлалъ Карлъ, сдѣлано хорошо. Я ничего не хочу. Одного только желаю и прошу у Неба, чтобы оно возвратило вамъ здоровье.

— Это не возможно, печально сказала Жуанита; мои послѣднія минуты весьма близки; но отъ васъ зависитъ усладить ихъ; останьтесь подлѣ меня, не оставляйте меня болѣе.... Вы мнѣ обѣщаете, не правда ли?

Старикъ колебался и былъ въ недоумѣніи.

— Какъ! неужели вы отказываете мнѣ?

— Не могу на это согласиться, Синьора.

— Отъ чего же?

— Меня ожидаютъ въ другомъ мѣстѣ.

— Сего дня?

— Да, сего дня вечеромъ.

— Прошу васъ именемъ вашего сына, именемъ вашего Карла, который, можетъ быть, видитъ насъ и слышитъ слова наши.

» Боже Великій! вскричала она, воздѣвъ руки къ небу, зачѣмъ онъ не здѣсь? онъ закрылъ бы мнѣ глаза, принялъ бы послѣдній вздохъ мой! «

И въ ея словахъ выражалось столько любви и скорби, она прощалась съ нимъ такъ нѣжно, такимъ раздирающимъ душу голосомъ, что Фернандъ и Изабелла проливали слезы; а Жерардъ, казалось, былъ въ ужасномъ бореніи съ самимъ собою; онъ рыдалъ ломая себѣ руки, и наконецъ, упавъ на колѣна подлѣ кровати Жуаниты, вскричалъ:

— Я не въ состоянiи болѣе противиться.... Это выше силъ моихъ.... хотя бы онъ еще разъ проклялъ меня, хотя бы онъ въ этотъ разъ совершенно убилъ меня, вы увидите его Синьора, вы увидите его!

— Кого? сказала Жуанита, которая при этомъ, казалось, ожила, и вперила свои одушевленные и пламенѣющiе взоры на Жерарда.

— Слушайте, слушайте! сказалъ старикъ, и началъ несвязный разсказъ свой: я сидѣлъ на скалѣ у самаго потока. Ночь была холодная; но я ничего не чувствовалъ.... Я былъ прямо противъ его оконъ.... въ его комнатѣ былъ огонь и я видѣлъ, что онъ писалъ, потомъ ходилъ взадъ и впередъ въ большомъ волненiи, какъ человѣкъ, который находится въ большомъ гнѣвѣ.... Можетъ быть, онъ

сердился на меня, но все равно, я видѣлъ его! я былъ и этимъ доволенъ и остался бы тутъ всю ночь. Вдругъ отворяется его окно, находившееся надъ пропастію... тридцать футовъ вышины. Онъ бросился! я за нимъ, но съ меньшей высоты. Онъ катится въ потокъ, я также; не зная что дѣлаю, я бросился единственно съ тѣмъ, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но мнѣ еще болѣе хотѣлось спасти его; и хотя я былъ весьма слабъ, однакожъ эта мысль удвоила мои силы. Я несъ, влекъ его на скалы; онъ былъ въ безпамятствѣ: я почиталъ его мертвымъ. Онъ сломалъ себѣ руку и ногу; голова его ударившаяся объ уголъ скалы, ужасно истекала кровью. Что было начать? что дѣлать? День свѣтлѣлъ; я пошелъ въ замокъ искать людей и помощи, какъ на дорогѣ встрѣтилъ прекрасный берлинъ и въ немъ знатнаго вельможу, ѣхавшаго къ вамъ, Кардинала

Бибіену. Онъ самъ пособилъ мнѣ перенести въ карету несчастнаго Карла, который тогда только пришелъ въ себя и узнавши о моемъ поступкѣ:

— Я обязанъ тебѣ два раза жизнію, сказалъ онъ мнѣ; забудемъ первую, и будемъ думать только о послѣдней.

И онъ протянулъ ко мнѣ ослабѣвшую руку; онъ простилъ мнѣ, онъ не проклиналъ меня, онъ теперь любитъ меня; меня бѣднаго Жерарда, котораго всѣ грѣхи онъ забылъ. . . . Но я не объ этомъ хочу вамъ говорить; объ васъ, Синьора, онъ безпрестанно думалъ объ васъ:

— Такъ какъ она почитаетъ меня умершимъ, сказалъ онъ; то всегда буду для нея такимъ.

— Да, отвѣчалъ Кардиналъ, для ея счастія и для твоего, да будетъ это всегда такъ. Богъ этого хочетъ.

И тогда онъ заставилъ его поклясться, никогда уже не нарушать вашего спокойствія, никогда не давать вамъ знать, что онъ еще живъ. Они заставили также и меня поклясться въ этомъ, подъ опасеніемъ лишиться жизни. По выздоровленіи, Карлъ уѣхалъ за границу, въ Англію; но прежде своего отъѣзда, онъ поручилъ мнѣ безпрестанно наблюдать за вами, и я уже васъ не покидалъ; я скрывался, чтобъ слѣдовать за вами, смотрѣть на васъ и чтобы всякій день писать ему: »я видѣлъ ее.« Но вотъ уже нѣсколько недѣль пишу ему: »она очень нездорова....« Тогда онъ все бросилъ и возвратился сюда.

— Такъ онъ здѣсь? вскричала Жуанита.

— Здѣсь, вопреки Кардиналу, который пріѣхалъ сего дня утромъ, чтобы увезти его; онъ въ Гренадѣ, днемъ прячется, а ночью приходитъ въ сады этого Дворца,

подъ ваши окна, или посылаетъ меня для наблюденій.... такимъ образомъ меня теперь открыли.... и я измѣнилъ своей тайнѣ, для васъ, Синьора.

— Богъ тебѣ проститъ эту измѣну, вскричала Жуанита, проститъ и Карлъ!... Пусть придетъ, пусть спѣшитъ, если хочетъ застать меня еще въ живыхъ.

Старикъ поспѣшно удалился, ступая нетвердыми шагами; а Жуанита, въ которой, казалось, возвратились ея душевныя силы, быстро написала нѣсколько словъ, и отдавая письмо Фернанду, сказалаа:

— Это письмо Кардиналу Бибіену, чтобы ему тотчасъ же доставили.

И въ эту минуту она поблѣднѣла.... дрожь пробѣжала по членамъ ея, въ отворившейся двери показался Карлъ. Жуанита, не говоря ни слова, ни дѣлая ни

малѣйшаго упрека, протянула ему руку въ знакъ прощенія! Онъ бросился къ ней и покрылъ руку ея слезами и поцѣлуями.

— Зачѣмъ плакать? Карлъ, сказала она ему; я счастлива, опять вижу тебя; но ты, который меня такъ любилъ, продолжала она съ нѣжностію, зачѣмъ довелъ ты меня до смертнаго одра, зачѣмъ покинулъ меня?

— Это было необходимо, вскричалъ Карлъ рыдая.

— Да, знаю, что ужасная тайна раздѣляла насъ, тайна, сказалъ ты мнѣ, наносящая смерть.... ты мнѣ можешь ее теперь открыть; благодареніе Богу, я могу узнать ее.... да будутъ всѣ твои печали моими, вся твоя душа моею, и этимъ самымъ послѣднія минуты моей жизни будутъ счастливѣйшими!

Карлъ быстро подошелъ къ Жуанитѣ,

но увидя ея сестру, которая недвижимо стояла подлѣ кровати, онъ наклонился къ уху своего друга и сказалъ ей тихимъ голосомъ нѣсколько словъ. Лучь радости заблисталъ во взорахъ Жуаниты.

— Неблагодарный, сказала она ему, въ эту только минуту ты имѣешь довѣріе къ своему другу! неужели ты сомнѣвался въ моей любви; неужели ты забылъ счастливые дни, проведенные нами на берегахъ Соррента?... Она остановилась, увидя Фернанда въ сопровожденіи Кардинала Бибіены.

— Теобальдъ, сказала она ему, я все знаю, я обвиняла васъ въ несправедливости и жестокости, когда вы достойно исполняли строгія обязанности святой дружбы. Простите мнѣ, мой другъ....

И она протянула къ нему руку!

Тогда пастырь съ физіономіею безстрашнаго, съ чертами лица столь суровыми и строгими, не могъ подавить своего душевнаго волненія и залился слезами, чего, судя по наружности его, вовсе нельзя было ожидать отъ него!

— Вы будете жить, вскричалъ онъ, вы будете жить, Жуанита, для счастія вашихъ друзей.

— Нѣтъ, чувствую что роковая минута приближается! и потому я пригласила васъ сюда.

Потомъ, посмотрѣвъ на него и на Карла, она съ нѣжностію сказала:

— Товарищи моего дѣтства, я хотѣла чтобы вы были со мною и при моей кончинѣ, для того, чтобы жизнь моя угасла также мирно, какъ началась; и теперь, когда я все знаю, вы Теобальдъ, не отка-

жетесь соединить насъ.... Дайте мнѣ умереть его женою! Пусть при послѣднемъ часѣ моего существованія буду обязана вамъ этимъ счастіемъ, надеждою и мечтою всей моей жизни!

Теобальдъ задрожалъ, сложилъ руки на груди и въ глазахъ его, обращенныхъ къ небу, изобразилось благоговѣніе и отчаяніе. Онъ въ трепетѣ взялъ руку Карла, вложилъ ее въ руку умирающей Жуанниты; потомъ голосомъ болѣе громкимъ произнесъ молитву и призвалъ на нихъ благословеніе Бога и Ангеловъ.

Новобрачная блѣдная обратила къ нему взоръ благодарности, потомъ прижала Карла къ сердцу.... и, какъ бы переселяясь съ этимъ послѣднимъ поцѣлуемъ въ вѣчность, она рукою показала ему на небо и сказала:

— Мой возлюбленной.... мой супругъ! тамъ буду ожидать тебя!...

И Жуаниты не стало! Оба друга обнялись въ слезахъ; потомъ стали на колѣна подлѣ кровати своего друга, и всю ночь провели въ молитвѣ!

Во весь этотъ день, Изабелла, блѣдная и оцѣпенѣвшая, не отходила отъ сестры своей; съ этой минуты веселость ея изчезла, ея живой и свѣжій румянецъ изчезъ. Мрачная задумчивость заступила мѣсто ея обыкновенной беззаботливости; и спустя три мѣсяца, когда Фернандъ заговорилъ съ нею о бракѣ, она сказала ему: не хочу выходить замужъ.... хочу въ монастырь. И на всѣ настоянія своего жениха отвѣчала:

— Знаю всѣ ваши качества и добродѣтели.... уважаю и люблю васъ.... но уже

не могу выдти замужъ; хочу посвятить себя монашеской жизни.

Не зная, какъ преодолѣть ея упорство, Фернандъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству; онъ отправился въ Мадритъ къ Кардиналу Бибіенѣ и Карлу.

VI.

Фернандъ совсѣмъ уже рѣшился отправиться, какъ Герцогъ Карваяль, его отецъ, объявилъ ему, что онъ не согласенъ на бракъ.

— По какимъ же причинамъ батюшка? вскричалъ въ отчаяніи Фернандъ.

— Причины эти, важно отвѣчалъ Герцогъ, столько же тебѣ извѣстны, сколько и мнѣ; государственнаго человѣка должна занимать одна мысль; онъ долженъ стремиться къ одной предположенной цѣли; благородный Испанецъ цѣнитъ выше всего

честное свое слово. Цѣлію моею было, чтобы за неимѣніемъ мѣстъ и почестей, которыхъ насъ несправедливо лишили, домъ нашъ, по крайней мѣрѣ, блисталъ необъятными богатствами и я позволялъ тебѣ жениться на племянницѣ Герцога Аркосскаго съ тѣмъ условіемъ; если сестра ея, Жуанита, не выйдетъ вторично замужъ и оставитъ ей все свое имущество.

— Она своею смертію оставила ей все, чѣмъ могла располагать, всѣ помѣстья, которыми владѣла въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, и которыя, говорятъ, весьма значительны.

— Можетъ быть, — я ихъ не знаю; но знаю, что у нея есть дворецъ и сады Алгамбрскіе, купленные ею въ этомъ городѣ, знаю что имѣетъ огромныя помѣстья и богатыя арендныя имѣнія, пріобрѣтенныя ею въ Гренадѣ и Валенціи.

— Все это, батюшка, принадлежитъ и принадлежало мужу ея.

— Да, она вышла замужъ и за это то и упрекаю ее!... Выдти замужъ за четверть часа до своей смерти!... она не могла можетъ быть ждать!

— Она любила его!... Союзъ этотъ осчастливилъ ее!...

— Не объ этомъ рѣчь; если кто далъ слово, и у кого есть сестра невѣста.... Да и выдти за человѣка незначущаго, не извѣстнаго.... за какого нибудь Карла Броски, о которомъ никогда никто не слыхалъ.

— Но онъ не безъ достоинства, — онъ богатъ.

— Достоинство это онъ оставляетъ при себѣ; и клянусь, что ты, Фернандъ Де-Карваяль, никогда не будешь своякомъ

Карла Броски; ты не женишься на Изабеллѣ, я не даю тебѣ своего согласія..

— Увы! батюшка, и она также не соглашается.

— Тѣмъ лучше, мы всѣ останемся довольны.

И дѣйствительно, какая надежда оставалась молодому человѣку, поставленному между своимъ отцемъ, который противился этому союзу и невѣстою, не хотѣвшею о томъ и слышать? Напротивъ того, и къ большему отчаянію Фернанда, страсть Изабеллы къ монашеской жизни еще усилилась. Вступивъ пансіонеркою въ монастырь Санта-Круцъ, она только и помышляла о той минутѣ, когда произнесетъ обѣтъ.

Подобный обрядъ торжественнаго постриженія въ монахини, вскорѣ долженъ былъ совершиться съ большимъ велико-

лѣніемъ въ Гренадѣ. Изабелла, желавшая постричься до истеченія времени, назначеннаго для искуса, хотѣла испросить на то разрѣшеніе. Къ несчастію однакожъ, настоятельница монастыря Санта-Круцъ не имѣла власти удовлетворить ея просьбѣ, и молодая дѣвушка была въ отчаяніи; но она ободрилась узнавъ, что Кардиналъ Бибіена будетъ присутствовать при этой церемоніи и даже самъ будетъ совершать богослуженіе.

Какъ только Прелатъ пріѣхалъ, несчастный Фернандъ поспѣшилъ къ нему и умолялъ его о могущественномъ его посредничествѣ между имъ, отцемъ его и невѣстою.

— Герцога Карваяля можно будетъ заставить перемѣнить мысли, отвѣчалъ ему съ улыбкою Теобальдъ, онъ мѣнялъ ихъ не одинъ разъ! Но эта молодая дѣвушка!

Весьма трудно и, можетъ быть, неприлично отвращать ее отъ намѣренія посвятить себя монашеской жизни, особенно, если это дѣйствительно ея призваніе.

— Нисколько. Она воспитывалась въ монастырѣ, который не навидѣла, но вотъ уже три мѣсяца, какъ она хочетъ туда возвратиться.

— По чему же?

— Не знаю.

— Однакожъ она любила васъ.

— Она и теперь любитъ меня, она это говоритъ мнѣ; но не хочетъ выдти за меня, а желаетъ остаться въ дѣвицахъ.

— Какая же тому причина?

— Одинъ Богъ знаетъ ее.... и вы, Владыка думаю также узнаете ее.

— Ахъ! сказалъ Теобальдъ, поникнувъ

головою, Богъ не открываетъ намъ этихъ тайнъ.

Онъ обманывался. Само небо открыло ему причину или помогло ему узнать ее. Настоятельница Санта-Круцъ представила ему на другой день просьбу одной изъ своихъ пансіонерокъ, которая требовала сокращенія времени, опредѣленнаго для искуса и просила Св. Прелата выслушать ея исповѣдь. Эта просьба была подписана Изабеллою Аркосскою; разумѣется Кардиналъ исполнилъ ея желаніе и бѣдное дитя пало предъ нимъ на колѣна и открылось ему во всемъ. Она хотѣла заключиться въ лонѣ Бога, чтобы спасти свою душу, чтобы укрыться отъ непреодолимой и внезапной любви, которая преслѣдовала ее. Она любила Карла! Его одного желала бы она имѣть своимъ мужемъ; и чтобы не огорчить этимъ Фернанда, который того не заслуживалъ, она хотѣла сдѣлаться мо-

нахиней. Она любила также и Фернанда, своего жениха, но любовью слишкомъ обыкновенною и разсудительною. Съ нимъ, конечно, дни ея текли бы спокойно и безмятежно; она была бы счастлива.... Но этому однообразному счастію, этому спокойствію чувствъ она предпочитала волненія и бури душевныя. Она почти завидовала несчастіямъ и судьбѣ своей сестры, и въ своемъ романическомъ воображеніи, смотрѣла на монастырь, какъ на вѣрное убѣжище, гдѣ могла быть несчастною по своему желанію.

Кардиналъ понялъ, какъ опасны и скоропреходящи должны быть непремѣнныя желанія такаго пламеннаго восторженнаго характера, и тотчасъ же нашелъ средство исцѣлить это разстроенное воображеніе.

— Дочь моя, сказалъ онъ ласково; я долженъ спасти васъ, и это непремѣнно

сдѣлаю, хотя бы противъ вашей воли. Вы не будете монахиней, а выйдете за Фернанда Карваяля, прекраснаго и любезнаго молодаго человѣка, который составитъ ваше счастіе.

— Никогда!... никто не въ состояніи принудить меня къ тому.

— Вы сами изберете его, сами отдадите ему свою руку....

— Это невозможно; я всегда буду думать о Карлѣ.

— Карлъ самъ навѣрное заставитъ васъ забыть о немъ!

— Дай, Боже!... вскричала она рыдая; но я ни ему, ни вамъ, святой отецъ, не вѣрю.

Теобальдъ уѣхалъ, не удовлетворивъ просьбѣ Изабеллы; и она проклинала ти-

ранство, замедлившее рабство ея и мѣшавшее ей тотчасъ же опутать себя цѣпями. Но ея негодованіе не имѣло границъ, когда она узнала объ одномъ поступкѣ, гораздо болѣе несправедливомъ и самовольномъ.

Оберъ-Гофмейстерина прислала настоятельницѣ Санта-Круцъ письменное запрещеніе не принимать въ монастырь Изабеллу Аркосскую и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе въ ту же минуту отправиться съ нею въ Мадритъ, куда ихъ обѣихъ требовала Королева. Надобно было повиноваться.

Въ тотъ же день Герцогъ Карваяль получилъ отъ Министра письмо, которымъ онъ приглашался ко Двору для объясненій относительно его поведенія.

Это посланіе нисколько не было загадочно, потому что Герцогъ Карваяль, не

навидя перваго Министра Ла-Енсеноду и главныхъ членовъ совѣта Кастильскаго, которые лишили его мѣста, не старался быть разборчивъ въ выраженіяхъ и, полагаясь на отдаленность, часто позволялъ себѣ эпиграммы болѣе или менѣе колкія, которыя никогда не должны были переступать за порогъ его дома, но къ большому его удивленію и страху, достигли до Мадрита. Онъ отправился въ дорогу въ сопровожденіи сына, который въ этой опалѣ видѣлъ свое счастіе.... счастіе быть въ томъ же городѣ, гдѣ вскорѣ должна была поселиться Изабелла!

Испанія была тогда одною изъ самыхъ цвѣтущихъ державъ Европы. Подъ искуснымъ управленіемъ Фердинанда VI-го, названнаго мудрымъ, торговля и земледѣліе начали процвѣтать. Мануфактуры устроивались. Испанцы, бывшіе данни-

ками промышленности другихъ націй, видѣли теперь и себя въ изобиліи, и естественные туземные матеріалы и произведенія искуства, науки и литература получили новое движеніе и, какъ во всѣхъ государствахъ богатыхъ и счастливыхъ, столица сдѣлалась городомъ роскоши и удовольствій. При Дворѣ празднества и увеселенія слѣдовали одно за другимъ и во Дворцѣ Буенъ-Ретиро недавно былъ устроенъ Италіанскій театръ, куда призваны были первые въ свѣтѣ пѣвцы и артисты. Къ несчастію слабое здоровье Короля и мозговыя болѣзни, которымъ онъ былъ подверженъ, заставляли ежеминутно опасаться за жизнь его, или за его разсудокъ, и приводили его обыкновенно въ меланхолическое и мрачное расположеніе духа, которое не всегда могло быть разсѣяно попеченіями и боязливою нѣжностію молодой его супруги, Принцессы

Маріи Терезіи Португальской, искренно его любившей. Чтобы развеселить его, она часто устроивала для него балы, спектакли и карусели; отъ этаго само собою разумѣется, иностранцы со всѣхъ сторонъ стекались въ столицу, которой блескъ и богатство отъ ихъ присутствія еще болѣе увеличивались; и наши путешественники, Герцогъ Карваяль и его сынъ, съ великимъ трудомъ нашли приличное для себя помѣщеніе: они заняли квартиру около воротъ Солнца въ блестящемъ отелѣ, посѣщаемомъ одною знатью. Въ самый день своего пріѣзда Герцогъ явился во Дворецъ, но не могъ видѣть Короля. На другой день рано утромъ онъ просилъ аудіенціи; ему отвѣчали, что Его Величество на этой недѣлѣ не приметъ его. Разгнѣванный такимъ пріемомъ, отъ котораго чувствительно терпѣла его Испанская гордость, Герцогъ оставивъ

Дворецъ, вошелъ позавтракать въ богатый кофейный домъ, гдѣ тѣснилась многочисленная толпа посѣтителей; одни пили шоколадъ, другіе читали газеты. Одинъ изъ нихъ, стоявшій подлѣ камина, громко жаловался на министровъ и Дворъ. Герцогъ не смѣлъ бы начать нападенія, но чувствовалъ въ себѣ столько дерзости, что поддерживалъ оное своимъ молчаніемъ и выслушалъ разговоръ съ внутреннимъ удовольствіемъ, отъ чего его не расположеніе духа весьма облегчилось.

— Да, господа, сказалъ маленькой человѣчекъ, покрытый напудреннымъ парикомъ и котораго платье было испещрено крестами и лентами, я ничего не боюсь и громко говорю.... повѣрите ли, что я, Грандъ Испаніи, Графъ Фонсека, Маркизъ де-Пирего, я два часа простоялъ въ передней у Короля!

— Какъ я, тихо сказалъ самъ себѣ Карваяль.

— Я хотѣлъ просить для себя у Его Величества орденъ Калатравы, котораго мнѣ не даютъ; одинъ орденъ, котораго у меня нѣтъ.... что явно не справедливо. »Его Величество никого не принимаетъ, сказалъ мнѣ офицеръ гвардіи; Его Величество боленъ и большіе и малые входы запрещены.« Въ ту же минуту является какой-то кавалеръ очень красивой наружности, этого я у него не отнимаю, и одѣтый весьма просто: на немъ былъ орденъ Калатравы.... Едва онъ показался, какъ всѣ двери предъ нимъ растворились и онъ входитъ къ Королю, не называя даже себя по имени.

— Это вѣроятно, Инфантъ, братъ Его Величества? спросилъ я.

— Это Фаринелли, отвѣчалъ мнѣ офицеръ, все еще державшій почтительно шляпу въ рукѣ.

— Какъ! вскричалъ я Фаринелли! Этотъ музыкантъ!... Этотъ Италіанскій пѣвецъ.... украшенъ орденомъ Калатравы, котораго мнѣ не даютъ? и онъ допускается къ Его Величеству тогда, какъ я сижу и жду въ передней, я Грандъ Испаніи! Графъ де-Фонсека, Маркизъ де-Пирего! Какъ вамъ это кажется, господа? Вотъ въ какое время живемъ!

— Въ такое время, когда отдаютъ должную честь заслугамъ и таланту, вскричалъ человѣкъ въ курткѣ изъ краснаго бархата, тихо и съ наслажденіемъ тянувшій шоколадъ изъ чашки.

— Пусть его награждаютъ какъ пѣвца, я согласенъ, отвѣчалъ молодой щеголь, долго поправлявшій предъ зеркаломъ

пукли своей прически и свое жабо изъ богатыхъ кружевъ. — Пусть его осыпаютъ золотомъ; — это и справедливо; потому что онъ обладаетъ голосомъ удивительнымъ, самымъ непостижимымъ, какой когда либо существовалъ; и когда онъ поетъ, что случается весьма рѣдко, я не отдалъ бы ни за тысячу червонцевъ моего кресла, въ Королевской часовнѣ; но что онъ любимецъ Ихъ Величествъ, по своей прихоти распологаетъ наградами, мѣстами и пенсіонами, и, какъ говорятъ, имѣетъ голосъ въ Совѣтѣ, это противно нравственности, это безсмысленно! . . . Послѣ этого недостаетъ только превозгласить его первымъ Министромъ. Ему же предлагали это, важно сказалъ человѣкъ въ красномъ бархатномъ камзолѣ, но онъ отказался. . . Мальчикъ, еще чашку шоколаду!

— Ему быть Министромъ! вскричалъ въ припадкѣ ярости Маркизъ Пирего, къ

которому присоединился Герцогъ Карваяль утвердительнымъ наклоненіемъ головы. . . Министромъ!

— А по чему и не такъ?

— Отъ чего же ему и не быть Министромъ? вскричалъ на противоположномъ концѣ стола знатный и богато одѣтый баринъ, носившій на всѣхъ пальцахъ бриллiантовыя кольца; этого требуетъ справедливость, и этого еще мало! съ такимъ голосомъ ему слѣдовало бы быть Княземъ. . . Королемъ! А здѣсь не хотятъ и того, чтобъ мой другъ Фаринелли былъ Министромъ! Фиринелли! знатокъ, богъ музыки, сошедшій на землю! . . . Фаринелли, который долженъ быть капельмейстеромъ на Олимпѣ, пѣть съ Музами, если только они того достойны; и я это говорю, потому что понимаю дѣло, и недавно еще мой другъ Фаринелли представилъ

меня Ихъ Величествамъ и сказалъ имъ: вотъ первый пѣвецъ Европы!... на что я отвѣчалъ: солгалъ — это ты!

По его энтузіазму и оригинальности всѣ присутствующіе узнали въ немъ знаменитого Кафарелли, который, по предложенію Фаринелли, недавно былъ призванъ въ Мадритъ на Италіанскій театръ съ жалованьемъ по пятидесяти тысячь червонцевъ въ годъ.

— Синьоръ Кафарелли, сказалъ ему молодой франтъ, понимаю; когда человѣкъ подобный вамъ въ почести и уваженіи у всѣхъ прочихъ подобныхъ намъ людишекъ; это весьма понятно.... но этотъ пѣвецъ, который ничто иное какъ пѣвецъ! этотъ смазливый и приманчивый рыцарь, отъ котораго всѣ дамы съ ума сходятъ, вѣроятно потому, что онъ принадлежитъ болѣе къ ихъ полу, нежели къ нашему...

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ съ негодованіемъ человѣкъ въ красномъ бархатномъ камзолѣ, ужъ не поставите ли ему въ вину его несчастіе! Его ли вина, если при его вступленіи въ свѣтъ ненавистный и безстыдный отецъ мучилъ его рукою продажною, и устроивалъ свое будущее богатство на позорѣ и стыдѣ своего сына?

— Извините, прервалъ его Кафарелли извините, Синьоръ! если возьму его сторону; я его хорошо знаю! Самъ будучи музыкантомъ и страстнымъ любителемъ музыки, онъ позволилъ бы себя убить за каватину. Онъ обожалъ и обожаетъ своего сына; онъ для одного его существуетъ; и онъ былъ жестокъ, по совѣсти и отеческой любви, желая тѣмъ устроить не собственное свое богатство, а счастіе своего сына.—И что всего удивительнѣе онъ принужденъ былъ по бѣдности покинуть сына въ позднихъ лѣтахъ; а бѣдный Фа-

ринелли до восемьнадцати лѣтняго возраста совершенно не зналъ своего удивительнаго таланта и обворожительнаго голоса, которымъ обладалъ... Отецъ его возвратясь изъ Сибири, гдѣ онъ едва не погибъ, въ восторгѣ прибѣжалъ къ сыну и сказалъ ему: »Mio caro figlio, ты обязанъ моей нѣжности огромнымъ и вѣрнымъ состояніемъ.« — А сынъ узнавъ объ этомъ счастіи, хотѣлъ убить своего отца, а потомъ и самого себя!... Къ счастію онъ этого ничего не сдѣлалъ.... въ отчаяніи изгналъ себя изъ своего отечества Неаполя, и находясь въ чужихъ краяхъ совершенно безъ денегъ, безъ всякаго средства къ существованію, бросилъ настоящее свое имя, назвался именемъ Фаринелли, навсегда имъ прославленнымъ, и принялся пѣть для своего пропитанія... скоро сталъ онъ богатъ и знатенъ: всѣ Дворы, всѣ Государи Европейскіе оспари-

вали другъ у друга счастіе слышать его. Никогда еще голосъ человѣческій не производилъ такихъ чудесъ; онъ возобновилъ и осуществилъ чудеса пѣвца Линнуса и теноръ Орфея, которые, говорятъ, своими каватинами очаровывали и укрощали дикихъ звѣрей! Фаринелли! онъ сдѣлалъ болѣе!... онъ очаровалъ, обольстилъ, увлекъ характеры еще болѣе свирѣпые: своихъ завистниковъ при Дворѣ, своихъ соперниковъ.... меня самаго, господа!... меня, знеменитаго Кафарелли!... Вотъ что со мною случилось, вотъ какъ я узналъ его:

При этомъ вниманіе всѣхъ удвоилось и всѣ подвинулись ближе къ пѣвцу. —

» — Я былъ въ Лондонѣ, гдѣ Его Величество Георгъ и всѣ вельможи Англіи, могу сказать, завалили меня почестями и гинеями, потому что до того времени я

не имѣлъ соперниковъ. — Заговорили о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, котораго называли Фаринелли, и который имѣлъ уже нѣкоторую репутацію. Король и Королева желали слышать насъ вмѣстѣ.... Очень естественно, что имъ хотѣлось сравнить маэстро съ ученикомъ.... Маэстро, это былъ я! Мы пѣли Артура Бретанскаго, большую музыкальную сцену, гдѣ я представлялъ свирѣпаго тирана, а Фаринелли молодаго Принца въ цѣпяхъ, котораго тиранъ посылалъ на смерть. Я началъ и спѣлъ мою каватину тирана... превосходно... я былъ тиранъ, какого никто никогда не слыхалъ... и въ теченіи четверти часа я былъ покрытъ рукоплесканіями и съ радостію говорилъ самому себѣ: бѣдный молодой человѣкъ, ты пропалъ.... мнѣ за тебя досадно, мой добрый другъ! Фаринелли началъ... и вскорѣ уже не апплодировали.... всѣ плакали! и

когда я услышалъ этотъ усладительный, нѣжный голосъ, эти обворожительные звуки, доходившіе до моей души. . . я забылъ обо всемъ и видѣлъ одного молодаго человѣка, который простирая ко мнѣ руки, умолялъ меня позволить ему еще насладиться свѣтомъ солнца, который такъ усладительно видѣть.

Lasciami ancora la luce del sole. . . .

говорилъ онъ, и я, неблагоразумный, слушая его, забылъ свою роль. . . Я бросился къ нему, снялъ съ него цѣпи, и рыдая обнималъ его! Съ этого времени и благодаря мнѣ, его репутація была упрочена. Кафарелли объявилъ его своимъ побѣдителемъ! . . . Но этотъ побѣдитель сдѣлался другомъ, котораго сердце и ларчикъ были всегда для меня открыты! высокая степень нисколько его не измѣнила! Какъ государственный человѣкъ или послан-

никъ, я иду къ нему прямо въ кабинетъ безъ доклада, и этотъ великій Министръ часто прерываетъ свои занятія для того, чтобы спѣть со мною, съ своимъ старымъ другомъ, дуо, или лучше сказать соло, потому, что часто, какъ и прежде, я забываю свою партію и слушаю только его.«

— Браво! браво! вскричалъ Маркизъ Пирего съ ироніею и апплодируя, какъ въ театрѣ, браво! Синьоръ; но вы, которые все знаете, можете ли вы намъ сказать, какимъ образомъ Его Высочество Принцъ Артуръ Бретанскій, которому вы даровали жизнь, сдѣлался вдругъ сильнымъ Министромъ и довѣреннымъ Совѣтникомъ Короля Испанскаго? Какимъ образомъ вашъ другъ пѣвецъ сдѣлался Государственнымъ человѣкомъ, на котораго возлагаютъ тайныя и важныя посланія къ различнымъ властителямъ Европы?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Кафарелли шутливымъ тономъ, чтобъ поддержать съ ними доброе согласіе. Впрочемъ я совершенно не знаю причины политической его фортуны.

— Тутъ должна быть какая нибудь важная тайна, сказалъ Маркизъ Пирего.

— Я также думаю, прибавилъ Герцогъ Карваяль въ полголоса, и съ видомъ знающаго человѣка.

— Нѣтъ, господа, вскричалъ человѣкъ въ курткѣ краснаго бархата, который только что кончилъ вторую чашку шоколада и выпивалъ въ эту минуту необходимый стаканъ воды; нѣтъ господа; и если вы желаете узнать причину его возвышенія, то я вамъ могу сказать ее, потому что я самъ былъ свидѣтелемъ.

— Это, вѣроятно, какой нибудь знатной вельможа, проговорили тихо:

— Это президентъ Кастильскаго Совѣта, сказалъ съ значительнымъ видомъ молодой Гидалго Герцогу и своимъ сосѣдямъ; я знаю его.

— Извините милостивый Государь, вы меня не знаете; я Родригъ Монцениго, брадобрѣй Его Величества!

Герцогъ Карваяль надѣлъ шляпу, которую только было снялъ.

— Въ началѣ своего царствованія, Король, всемилостивѣйшій нашъ Государь, былъ мучимъ болѣзнію, отъ которой ничто не могло его излечить; господинъ Ксунига, придворный врачь, истощилъ надъ нею всю свою латынь, и могъ только открыть, что эта болѣзнь Короля имѣла много сходства съ болѣзнію изобрѣтенною говорилъ онъ, Англичанами, и которую онъ называлъ сплиномъ. Уже два раза, безъ всякой причины, Король

посягалъ на свою жизнь и, не смотря на отчаяніе Королевы, на увѣщанія отца Анастасія, Духовника Его Величества, все заставляло страшиться, что всемилостивѣйшій Государь нашъ исполнитъ свое намѣреніе и устроитъ для себя погибель въ здѣшнемъ мірѣ и на томъ свѣтѣ! Уже цѣлый мѣсяцъ онъ пробылъ запершись въ своей комнатѣ, никого не хотѣлъ видѣть кромѣ Королевы и не внималъ ни просьбамъ, ни мольбамъ ея; отвергалъ всѣ попеченія объ немъ, даже самыя полезныя для его благосостоянія и здоровья: онъ непреклонно отказывался перемѣнить бѣлье и выбриться! удалилъ меня отъ себя и лишилъ жалованья, меня, своего брадобрѣя, отца пятерыхъ дѣтей, не имѣвшаго ни какого состоянія, кромѣ дохода отъ своего званія. Мы всѣ были въ отчаяніи; Королева также. Она обожала своего мужа, котораго жизнь и разсудокъ угасали

видимо для нея. Въ этой мрачной меланхолiи, она не знала какимъ средствомъ спасти дни его; вдругъ вспомнила о Фаринелли, котораго голосъ, какъ говорили, производилъ чудеса. Она уговорила его прiѣхать въ Мадритъ и поставила его въ комнатѣ, смѣжной съ покоями Государя. При первыхъ звукахъ этого небеснаго голоса, Король затрепеталъ. »Это голосъ Ангела!» вскричалъ онъ; и продолжая слушать внимательно, взволнованный, растроганный, онъ палъ на колѣна и плакалъ, чего съ нимъ не случалось во всю его болѣзнь. »Еще! сказалъ онъ, еще! Дайте мнѣ услышать эти звуки, они возвратили меня къ жизни!»

Фаринелли опять началъ пѣть и Король, совершенно пришедшiй въ себя, бросился въ объятiя Королевы; потомъ устремился въ сосѣднюю комнату и обнялъ Фаринелли, восклицая:

»Мой Ангелъ спаситель, кто бы ты ни былъ, проси у меня чего хочешь, я тебѣ все обѣщаю. Требую!»

И Фаринелли отвѣчалъ:

»Я требую, Государь, чтобы Ваше Величество перемѣнили бѣлье и позволили себя выбрить!

Съ тѣхъ поръ, я, Родригъ Монцениго, Королевскій брадобрѣй, получилъ опять свое мѣсто и сопряженныя съ нимъ права и почести. — А Королева велѣла принести крестъ ордена Калатравы и, получивъ согласіе своего супруга, сама своею рукою, приколола его къ одеждѣ Фаринелли. Вотъ какимъ образомъ, продолжалъ брадобрѣй, посматривая на Маркиза Ширего, онъ былъ имъ украшенъ. Съ той минуты онъ уже не покидалъ Короля и Королеву... Какъ скоро меланхолія или

черныя думы пачинали возвращаться къ Королю, Фаринелли пѣлъ и внезапно страданіе разсѣявалось. Вотъ какимъ образомъ Государь нашъ сдѣлалъ его своимъ другомъ.... Но когда онъ увидѣлъ, что этотъ удивительный пѣвецъ былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей въ Европѣ, что онъ зналъ всѣ языки, что богатство и живость его воображенія равнялись глубокой основательности его сужденій, что быстрота его соображеній, позволяла ему обнять, разъяснить и разрѣшить въ одну минуту вопросы самые трудные, тогда онъ спросилъ себя: почему бы не дозволить артисту съ его талантомъ, искуствомъ, съ его геніемъ, имѣть участіе въ дѣлахъ; почему бы не сдѣлать своимъ совѣтникомъ и Министромъ того, кто уже былъ его спасителемъ и другомъ? Я говорю »Министромъ« потому, что онъ исправляетъ всѣ обязан-

ности сего званія, хотя никогда не имѣлъ титула Министра; потому что скромный и безкорыстный Фаринелли хотѣлъ одного: служить своему Королю... Единственный временщикъ, которому фортуна не вскружила головы; онъ всегда помнилъ, чѣмъ онъ былъ, и никогда не забывался. — Не скажу этого о благородныхъ вельможахъ Двора и Грандахъ Испаніи, которые всѣ почти у ногъ его; и одинъ изъ нихъ, не назову вамъ его, недавно при мнѣ просилъ у него покровительства и благорасположенія съ такимъ уваженіемъ, что мнѣ стало стыдно, да вѣроятно и ему также, потому что Фаринелли, желая всякому отдать должное, съ кротостію отвѣчалъ ему:

» Боже мой, Герцогъ, что же можетъ сдѣлать для такого, какъ вы, знатнаго вельможи бѣдный пѣвецъ?... спѣть ему

каватину, и въ этомъ я къ вашимъ услугамъ!»

Впрочемъ, господа, продолжалъ брадобрѣй, на что употребилъ онъ властѣ свою? На то, чтобы подвинуть впередъ искуства, оживить торговлю и земледѣліе, возвысить фабрики и промышленность, чтобъ сдѣлать наше отечество цвѣтущимъ внутри и уважаемымъ извнѣ. Онъ первый осмѣлился военному таланту и храбрости въ арміи Испанской, давать высшія мѣста, вотъ примѣръ господа: у меня есть сынъ, который получилъ три раны въ сраженіяхъ съ Имперцами, который въ битвѣ Битонтской, своею рукою схватилъ непріятельское знамя и принесъ его къ Маркизу Монтеморъ, своему Генералу; и этотъ сынъ былъ десять лѣтъ Капитаномъ и можетъ быть остался бы въ этомъ чинѣ вѣчно. Это несправедливо, сказалъ мнѣ

Фаринелли.... и въ тотъ же вечеръ въ кабинетѣ Короля и Королевы онъ читалъ имъ стихи одного Французскаго поэта Волтера, котораго имя становится славнымъ; Фаринелли декламировалъ съ жаромъ и энтузіазмомъ, особенно когда читалъ слѣдующіе стихи:

Кто хорошо служитъ своему отечеству,
Тому не нужны предки!

— Славный стихъ! сказалъ Король!

— Да, Государь, отвѣчалъ Фаринелли, а еще было бы лучше привесть его въ исполненіе.

И онъ началъ говорить о моемъ сынѣ и назвалъ два свободныхъ полка: Королевы и Астурійскій.

— Хорошо, сказалъ Король; даю послѣдній изъ нихъ Рафаелю Монцениго.

И третьяго дня сынъ мой получилъ объ этомъ повелѣніе! Мой сынъ Полковникъ!...

— Ужасно несправедливо и къ нарушенію законныхъ правъ, вскричалъ старикъ военный, только что вошедшій въ кофейню. Я Грандъ де Фуентесъ, самый старшій подполковникъ, я имѣлъ больше, нежели кто либо другой, права на полкъ и по своему происхожденію и по заслугамъ, которыя оказалъ покойному Королю Филиппу V; для него я раззорился въ наслѣдственную войну. Но меня отвергаютъ, меня держатъ въ отдаленіи, и по чему?... Потому, что презираю царства любимцевъ и евнуховъ, потому, что я врагъ Фаринелли, потому, что вчера еще громко сказалъ это же самое въ глаза ему. Да, онъ поступилъ со мною несправедливо, онъ нанесъ мнѣ обиду, онъ под-

лецъ.... Скажу это и здѣсь и предъ цѣлымъ свѣтомъ. —

— Только не передо мною, сказалъ молодой человѣкъ, который вошелъ въ это время въ кофейню! Это былъ Рафаель Моцениго, гордо носившій свои новые полковничьи эполеты.

Брадобрѣй хотѣлъ броситься и удержать своего сына.

— Нѣтъ, батюшка, оставьте меня; пока моя рука въ состояніи владѣть шпагою, никто не оскорбитъ безнаказанно Фаринелли въ моемъ присутствіи и этотъ господинъ дастъ мнѣ отвѣтъ.

— Сей часъ же, вскричалъ Графъ де-Фуентесъ; и при крикахъ всѣхъ, собравшихся въ кофейной; противники хотѣли выдти, какъ слуга Графа подалъ ему запечатанный конвертъ, который, какъ ему сказали, былъ весьма нуженъ. —

— Читайте, Милостивый Государь, надменно вскричалъ Рафаель у насъ есть еще время; и по мѣрѣ того, какъ подполковникъ пробѣгалъ письмо, онъ измѣнялся въ лицѣ, дрожалъ и все обнаруживало въ немъ живое волненіе и сильную борьбу; наконецъ, видимо принялъ благородное намѣреніе; онъ подошелъ къ молодому человѣку, гордо его ожидавшему и сказалъ:

—Милостивый Государь, хотя признаться въ своей ошибкѣ и дорого стоитъ Испанцу, однакожъ я былъ не правъ! Я былъ бы теперь низкимъ человѣкомъ, ежели бы осмѣлился обнажить шпагу въ подобномъ поединкѣ. Читайте!—И молодой человѣкъ прочелъ громкимъ голосомъ слѣдующее:

Графъ!

» Вы мой непріятель, знаю это; и по-

»этому самому вамъ, болѣе нежели кому »либо, я долженъ оказать справедливость. »Я изслѣдовалъ ваши права, призналъ ихъ »и ходатайствовалъ за васъ предъ Коро- »лемъ. Онъ поручаетъ вамъ первый полкъ »арміи, полкъ Королевы. . . . И такъ, какъ »я вчера слышалъ, что вы не богаты, то »прошу васъ, для перваго обзаведенія, »принять приложенный къ сему вексель, »котораго сумму вы мнѣ отдадите, когда »вамъ будетъ угодно. Но это не должно »нисколько стѣснять вашу независимость »и оставляетъ вамъ всю свободу. . . . даже »ненавидѣть меня!»

Фаринелли.

Всякій благородный и великодушный поступокъ находитъ отголосокъ во всѣхъ мнѣніяхъ и во всѣхъ партіяхъ. Всѣ хвалили поступокъ Фаринелли, оба противника подали другъ другу руки и Графъ

де Фуентесъ вышелъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы идти благодарить своего великодушнаго непріятеля.

— Вотъ наши характерные люди, сказалъ Маркизъ Пигеро; малѣйшая милость перемѣняетъ ихъ и теперь Графъ де Фуентесъ будетъ однимъ изъ преданнѣйшихъ любимцу тварей.

— Это досадно, отвѣчалъ Герцогъ де-Карваяль; но видно ничего нельзя получить иначе какъ чрезъ него....

— Все равно, стыдно для человѣка съ такимъ званіемъ и произхожденіемъ, какъ Графъ де-Фуентесъ....

— Вы правы; я краснѣю за Испанское дворянство; и оба въ знакъ уваженія подали другъ другу руки и разошлись.

Маркизъ Пигеро, случайно при выходѣ столкнулся съ Родриго Монцениго.

— Не можете ли вы, господинъ брадобрѣй, сказалъ онъ ему тихо, поговорить обо мнѣ съ Фаринелли?

Въ это самое время Герцогъ де-Карваяль взялъ Кафарелли за руку и спросилъ его въ полголоса, нельзя ли чрезъ его посредство получить въ непродолжительномъ времени аудіенцію съ любимцемъ.

— Обѣщаю вамъ это, сказалъ артистъ съ видомъ покровительства и въ тотъ же вечеръ Герцогъ получилъ слѣдующую записку:

» Фаринелли будетъ имѣть честь принять завтра до обѣдни Его Сіятельство Герцога де-Карваяля и Дона Фернанда, его сына въ собственномъ Кабинетѣ Ея Величества Королевы. »

Не нужно говорить, что оба они прежде всѣхъ пришли на мѣсто свиданія.

Они находились въ щегольскомъ будуарѣ, въ которомъ Королева обыкновенно занималась музыкою, и были весьма удивлены, когда вслѣдъ за ними вошла туда Настоятельница Санта-Круцъ и Изабелла Аркосская.

Фернандъ еще не имѣлъ времени расспросить у нея объ этой странной встрѣчѣ; какъ позолоченная дверь отворилась и Оберъ-Гофмейстерина произнесла имя Маріи Терезіи, которая появилась, опершись на руку Кардинала Бибіены, духовника Королевскаго.

— Герцогъ де-Карваяль, сказала Королева, я хотѣла сама объявить вамъ, что по случаю брака сына вашего съ Изабеллою Аркосскою, Король возвращаетъ вамъ всѣ должности, которыхъ вы были лишены и присоединяетъ къ нимъ Губернаторство Гренадское.

Всѣ свидѣтели этой сцѣны остались неподвижны и изумлены, исключая Фернанда, который испустилъ радостный крикъ. Герцогъ поклонился въ знакъ согласія и благодарности, а Изабелла, стараясь превозмочь свое смущеніе, начала одна говорить и дрожащимъ голосомъ произнесла:

— Ваше Величество еще не знаете... Его Преосвященство Кардиналъ долженъ былъ бы сказать Вашему Величеству...

— Что этотъ бракъ условленъ съ Фарнелли, прервала Королева, и Изабелла осталась, какъ громомъ пораженная.

Нѣсколько разъ и особенно со времени своего пріѣзда въ Мадритъ, она слышала о любимцѣ, о его силѣ, и его приключеніяхъ, но никогда не видала его и откровенно сказала объ этомъ Королевѣ.

— Не возможно, отвѣчала эта, онъ утверждаетъ, что имѣетъ право выдать васъ за мужъ и дать вамъ приданое, какъ единственный теперь вашъ родственникъ... посмотрите лучше, продолжала она, показывая на пергаментъ на стѣнѣ. . . . посмотрите на этотъ контрактъ, гдѣ онъ вамъ даетъ часть своего имѣнія.

— Мы собраны здѣсь для подписанія его, холодно сказалъ Кардиналъ и ожидаемъ только Фаринелли. . . .

— Вотъ и онъ, сказала Королева протягивая руку человѣку, показавшемуся въ дверяхъ.

— Карлъ, вскричали въ одно время Фернандъ и Изабелла.

— Да, друзья мои, Карлъ Броски. . . . или лучше Фаринелли. . . . Теперь, когда вы знаете меня, сказалъ онъ съ чувствомъ

и обмѣнявшись съ Теобальдомъ выразительнымъ взглядомъ, моя любезная Изабелла.... сестра моя.... неужели откажетесь соединиться съ Фернандомъ, который васъ любитъ.... который достоинъ васъ?

Молодая дѣвушка потупила взоры въ неизъяснимомъ смущеніи.... потомъ возвела ихъ съ нерѣшительнымъ видомъ на Фернанда и подала ему руку.

На другой день свадебный обрядъ происходилъ въ Соборѣ Мадритскомъ; толпа народа была необъятная; говорили, что Ихъ Величества удостоятъ своимъ присутствіемъ бракосочетаніе, которое долженъ былъ совершать Кардиналъ Бибіена Теобальдъ, духовникъ Королевскій; а всего болѣе подстрекали всеобщее любопытство слухи, что Фаринелли будетъ при этомъ пѣть. — Дѣйствительно съ од-

ной трибуны у органа раздался вдругъ, чистый и нѣжный голосъ, который, казалось нисходилъ съ неба, и въ этой шумной и бушующей толпѣ вдругъ воцарилось гробовое молчаніе!

Никогда еще голосъ Фаринелли, производившій столько чудесъ, не былъ такъ нѣженъ, такъ проницателенъ. Онъ дышалъ слезами и печалью; онъ казалось возносился въ обитель небесную и обращался къ невидимымъ существамъ, обитателямъ другаго міра.

— »Смотрите, пѣлъ онъ, смотрите, тамъ на облакахъ ангелъ взираетъ на насъ и насъ благословляетъ! Ангелъ возлюбленный, житель Небесъ.... Дѣва чистая, возвратившаяся въ свою отчизну; когда небесный твой голосъ, мною призываемый, скажетъ: приди, я жду тебя.... приди.... приди....»

И посреди молчанія, царствовавшаго въ церкви, эхо повторило нѣсколько разъ въ отдаленіи: приди!.. приди!...

При этомъ повтореніи, которое, казалось, нисходило съ небесъ.... Фаринелли, изнемогшій подъ тяжестію своихъ ощущеній, простеръ руки, и заливаясь слезами, упалъ въ безпамятствѣ.

Церемонія была прервана. Теобальдъ прибѣжалъ къ своему другу, посадилъ его въ свою карету, опустилъ шторы и они тихо поѣхали посреди толпы, которая замедляла ихъ путь; между тѣмъ Карлъ, обращая взоры на своего друга, говорилъ ему:

— Есть ли кто на этомъ свѣтѣ, несчастнѣе меня?

— Есть, отвѣчалъ Теобальдъ, сжимая ему руку! Да утѣшитъ тебя эта мысль и

отвратить тебя отъ ропота на Провидѣніе.

— Какъ, потерять ту, которую любишь! быть ею любиму и не быть въ состояніи принадлежать ей!

— Ты былъ, покрайней мѣрѣ любимъ!... А если бы ты былъ свидѣтелемъ ея любви къ другому; если бы столько же сильные, какъ законы природы, законы долга и религіи положили между вами непреодолимую преграду, если бы повѣренный въ вѣрности ея къ сопернику, къ другу, ты безпрестанно наблюдалъ за ними; если бы наконецъ, о мука ада! ты соединилъ ихъ самъ собственными руками; почиталъ ли бы ты себя еще и тогда несчастнѣйшимъ изъ людей?

— Какъ, вскричалъ въ ужасѣ Карлъ... эти муки, о которыхъ ты говоришь....

— Я всѣ ихъ претерпѣлъ. —

— И ты могъ перенести ихъ и скрыть отъ насъ! Кто же далъ тебѣ эту твердость?

— Богъ и дружба!

И два друга бросились, рыдая одинъ къ другому въ объятія.

Народъ, окружавшій ихъ карету, повторялъ: какъ они счастливы!

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00020971265
